

Илона Эндрюс

С Днем Постояльца!

Переведено специально для группы

~"°†Мир фэнтези†°~

Оригинал: Sweep with me

Автор: Илона Эндрюс / Ilona Andrews

Серия: Innkeeper Chronicles #4.5 / Хроники Хозяйки Отеля #4.5

Переводчики: dias, Jasmine, pikapee,

Редактор: Дианова Светлана

Вычитка: SD

Глава 1

Некоторые моменты в жизни вы запоминаете навсегда.

Однажды, когда мне было пять лет, родители сказали мне, что мы отправляемся в путешествие. Я посмотрела в окно, на серое ноябрьское небо, затянутое тучами, и решила, что никуда не поеду. Папа принес мне очки-авиаторы, потом взял меня за правую руку, а мама за левую, и мы вместе прошли по длинному коридору вглубь нашей гостиницы. В конце коридора нас ждала обычная дверь. Мы подошли к ней, она распахнулась, и лето дохнуло мне жаром в лицо. Я прикрыла глаза от яркого света, а когда открыла их, мы стояли в переулке, вымощенном камнем. Высокие здания с террасами возвышались по обе стороны от нас, а прямо впереди, там, где переулок переходил в улицу, поток существ всех возможных цветов и форм хлынул мимо торговых лавок, в то время как разрушенная планета смотрела на них с пурпурного неба.

Потом был момент, когда я только приехала в свою собственную гостиницу. Стояла ранняя весна. Деревья были почти голые, за исключением вечнозеленых техасских дубов, которые сбрасывали листья только тогда, когда им этого хотелось. Я ехала медленно, высматривая нужный адрес, и когда впереди показался старый викторианский особняк, чуть не съехала с дороги. Большое, богато украшенное и нелепое, как это часто бывает с викторианскими особняками, здание выделялось на фоне утреннего неба темными развалинами, оставленными гнить. С крыши отвалилась черепица, а от стен кусками отслоилась облицовка. Коричневый бурьян душил землю. Я знала, что все будет плохо, так как гостиница пробыла в спячке несколько десятилетий, но не думала, что будет так плохо.

Я зарулила на подъездную дорожку, вышла из машины и начала обходить дом по кругу, ища любые признаки жизни, пытаюсь дотянуться до нее с помощью магии, но ничего не нашла. С каждым шагом я теряла надежду. А потом завернула за угол. Там, ярко выделяясь на фоне дубов и пеканов, цвели двенадцать яблонь, ветви которых гнулись от цветов. Именно в этот момент я поняла, что «Гертруда Хант» все еще жива.

Сегодня был именно такой момент. В нем не было ярких красок Баха-чар или хрупкой красоты яблонь, но я никогда его не забуду. Шон Эванс стоял в нашей спальне, одетый в мантию хранителя.

— Зеркало, — прошептала я.

«Гертруда Хант» в ответ применила свою магию. Стена перед нами растеклась, превратившись в зеркало. Мы стояли бок о бок: он в медной мантии, которую я сшила для него, и я в синей мантии, которую сделала для меня мама.

Шон был выше меня на целую голову. Мантия закрывала его от шеи до пят, но капюшон он оставил опущенным. Он был очень красив, мой Шон. Он потратил много времени, пытаясь выиграть безнадежную войну. Та оставила шрамы, которые даже его тело с его ускоренной регенерацией не смогло исцелить, и тени этих воспоминаний все еще мерцали в его янтарных глазах. Но когда он оставался наедине со мной, как сейчас, его глаза становились теплыми и манящими, поза теряла ту напряженную готовность, и он расслаблялся, как человек в безопасности собственного дома.

Я изучала наше отражение. Мантии хранителей были разных фасонов, но такие простые, как эти, были нашей повседневной униформой. Мы выглядели как пара. Мои родители носили точно такие же одежды, только отец предпочитал серые и синие.

Я никогда не думала, что у меня будет такое. Когда я была помоложе, я представляла себя хозяйкой преуспевающей гостиницы, но в моих снах никогда не было никого, кто стоял бы рядом со мной. Мои родители пропали, моя сестра уехала, чтобы выйти замуж за Маршала вампиров на далекой планете и забрала с собой мою маленькую племянницу, мой брат все еще скитался по галактике, но у меня был Шон. Он любил меня, а я любила его. Мы были друг у друга.

Светловолосая хозяйка гостиницы в зеркале улыбнулась мне в ответ. Она выглядела счастливой.

— Мне нравится, — сказал Шон.

Три дня назад он отказался надеть мантию, но я сшила ее сама, и теперь она ему понравилась.

— Тебе не обязательно притворяться, — сказала я ему.

— Мне нравится, она мягкая.

— Я двадцать четыре часа полоскала ее с камнями. И порвала ее подол.

Шон приподнял мантию и посмотрел на истертый подол.

Наша профессия была древней. По счастливой случайности Земля оказалась на перекрестке миров и стала удобной путевой точкой на пути куда-то еще. Мы были аэропортом Атланты в галактике. Из-за этого особого расположения между людьми и остальными галактическими цивилизациями, был заключен древний договор. Земля была обозначена как нейтральная территория. Никто не мог напасть на нас. Никто никогда не станет нас поработать или пожирать. Человеческая раса получила возможность развиваться естественным путем, не зная ни о каком инопланетном разуме в великом заповеде.

Взамен Земля предоставляла инопланетным гостям безопасные убежища, специализированные отели, каждый из которых обслуживался хранителем вроде меня, который существовал в магическом симбиозе со своей гостиницей. Внутри гостиниц мы могли искажать законы физики и открывать врата в миры, удаленные от нас на сотни световых лет. За пределами гостиниц мы были лишь немногим сильнее обычных людей. У хранителей гостиниц было только две главные цели: обеспечивать своих гостей всем необходимым и держать их существование в секрете от остальной планеты.

Моя гостиница, «Гертруда Хант», приняла Шона, потому что чувствовала, что он любит меня. Когда он обратился к гостинице, та повиновалась и попыталась обеспечить его всем необходимым, не спрашивая разрешения у меня. Где-то за последние пару недель, между борьбой с кланом инопланетных убийц и уходом за мной после того, как смерть семени гостиницы превратила меня в живого мертвеца, Шон стал хранителем. Он был хранителем меньше двух недель, а я — всего пару лет, и за это короткое время мы оба опасно приблизились к тому, чтобы нарушить основные законы, управляющие гостиницами. Теперь же Ассамблея хранителей, собрание видных хранителей, решило, что они хотят поближе посмотреть на меня и Шона. Отказаться от приглашения было

невозможно.

— В глазах Ассамблеи, я пробыла хранительницей всего ничего, а ты и того меньше, — сказала я. — Я не хочу показываться перед ними в мантиях с иголки.

Шон заключил меня в объятия.

— Все будет хорошо, — прошептал он мне на ухо.

Долгое мгновение я просто стояла в его объятиях.

— Что самое худшее может произойти? — спросил он.

— Они понизят «Гертруду Хант» до половины звезды, и никто больше никогда у нас не остановится. Без магии гостей гостиница зачахнет.

— У нас все еще есть Калденция, — сказал он.

Это была чистая правда. Когда-то Ее Милость была галактическим тираном, и она выбрала своим постоянным местом жительства «Гертруду Хант». Она заплатила за это изрядную сумму, но это не шло ни в какое сравнение с размером различных вознаграждений за ее голову.

— И Орро.

— Орро — персонал, а не гость.

— И твоя сестра и тупоголовый вампир.

И это тоже было правдой. Мод и Арланд полюбили друг друга. Что бы ни случилось, я была уверена, что они, в конечном итоге, окажутся вместе, и Дом Крар, клан Арланда, всегда будет останавливаться в «Гертруде Хант».

— И отроки. — Шон поцеловал меня. — И торговцы.

Я вернула поцелуй.

Внизу, на кухне, что-то грохнуло, а затем раздался глухой рев.

— Огонь!

Должно быть, «Гертруда Хант» была достаточно обеспокоена, чтобы направить звук на нас.

Шон застонал.

— Он должен прекратить это делать.

— Пойду, проверю его.

— Постой...

Я провалилась сквозь пол, выскользнув из его рук, и приземлилась на кухне. Скольжение сквозь стены требовало практики. Шон воспринимал это как вызов.

Меня окутал аппетитный аромат мясного бульона. У плиты Орро ковырял что-то в большой кастрюле еще большей вилкой. Будучи двухметрового роста и покрытым 30-сантиметровыми иглами, шеф-острошип напоминал чудовищного ежа. Он повернулся ко мне и разинул пасть, полную жутких клыков.

— Вода для чая закипела!

— Спасибо.

Я забросила заварку в стеклянный чайничек, добавила горячей воды из электрочайника и стала наблюдать, как она становится золотисто-коричневой. Орро увлекся нашим телевидением, где он открыл для себя телеканал «Еда» с кулинарным шоу «Огонь и молния» Гарри Киса. Гарри специализировался на латиноамериканской и мексиканской

кухне, и когда у него все удавалось, он восклицал: «Огонь и молния!»

Орро сократил его до «Огонь!», которое он выкрикивал в самые неожиданные моменты, не давая «Гертруде Хант» расслабиться.

Я налила себе чаю в чашку и отхлебнула. Мммм... Тринадцать дней назад осада гостиницы наконец-то закончилась, и мы отпраздновали Рождество в день Нового года, опоздав на целую неделю. Завтра, 14 января, мы отпразднуем День Постояльца, самый старый из праздников хранителей. Можно пропустить Рождество и забыть про День Благодарения, но ни одна гостиница никогда не отказывалась отпраздновать День Постояльца. Надеюсь, у нас еще будет гостиница, чтобы отпраздновать это событие. Если все пойдет по плану, то сегодня вечером мы отправимся в «Каса Фелиз», большую гостиницу в Далласе, где будем присутствовать на собрании Ассамблеи и отвечать на неудобные вопросы...

В кухню вошел Тони. Высокий, загорелый и темноволосый, Тони Родригес производил впечатление человека безобидного. Иногда он выглядел сонным и слегка одурманенным. Иногда, особенно рядом со своим отцом, Брайаном Родригесом, который управлял «Каса Фелиз», его лицо имело выражение «даруй мне терпение», мгновенно узнаваемое любым подростком, которому приходилось терпеть лекции о неправильности своего жизненного выбора. Перспектива попробовать кулинарные шедевры Орро повергла Тони в возбужденное головокружение.

Что-то из этого точно было прикрытием, потому что Тони был ад-алом, хранителем Ассамблеи и исполнителем ее решений. Но в основном это был настоящий Тони. А сейчас Тони выглядел так, словно хотел оказаться где угодно, но только не здесь.

Мой желудок сжался.

— Что случилось?

— У меня хорошие новости и плохие.

— Сначала давай хорошие.

В кухню вошел Шон.

Тони присел на краешек обеденного стола.

— Хорошая новость заключается в том, что нам не нужно ехать в гостиницу моего отца, потому что ваша встреча с Ассамблеей откладывается.

Орро резко обернулся.

— Не нравится мне эта Ассамблея. Дергают маленького человечка туда-сюда. — Он для пущей убедительности ткнул в воздух своей гигантской вилкой. — Неужели они не видят, что она измучена? Неужели они не знают, через что ей пришлось пройти? Приходите на собрание, не приходите на собрание, там вообще знают о приличиях?

— Я не отвечаю за решения Ассамблеи, — ответил Тони.

— А что за плохие новости? — спросил Шон.

— К тебе поступил специальный запрос.

Сейчас?

— На День Постояльца?

Тони кивнул.

Ни один хранитель не мог отказать гостю в День Постояльца, если только этот гость не был запрещен к посещению. День Постояльца начнется только через двадцать четыре часа, но раз Ассамблея отменила нашу встречу, это означало, что они посчитали, что мне понадобятся эти двадцать четыре часа, чтобы подготовиться... О нет.

— Дрифан?

Орро шумно вдохнул. Тони кивнул.

— Ты серьезно?

Он кивнул в третий раз.

Во время битвы с кланом убийц, который осаждал нашу гостиницу, предводитель убийц послал мне семя, маленькое дитя гостиницы, слишком слабое, чтобы выжить. Я прыгнула через врата измерений, чтобы не дать его смерти ранить «Гертруду Хант», но переживание этого сделало меня невосприимчивой. Гертруда Хант выживала несколько дней без меня. Если бы не моя сестра и племянница, вся гостиница сошла бы с ума или впала в спячку. Прошло уже тринадцать дней, и пока я бродила по гостинице, «Гертруда Хант» следила за мной. Гостиница всегда наблюдала за мной, но теперь она удвоила свои усилия. Если бы она была человеком, то была бы рядом и подстраховывала меня, боясь, что если я споткнусь, то она может упустить возможность поймать меня.

А теперь Ассамблея хотела, чтобы я приняла у себя дрифана.

— Это сеньор? — спросила я. — Пожалуйста, только не кивай.

— Да, — ответил Тони.

Прекрасно, просто прекрасно.

Орро резко развернулся и швырнул кочан капусты в голову Тони. Тони поймал его и положил на стол.

— Опять же, я всего лишь посыльный.

Я вздохнула и налила себе еще чаю. Это было в корне несправедливо.

— Клянусь, это не наказание.

— Кто такие дрифаны? — спросил Шон.

— Дрифан — это в единственном числе, — ответила я ему, — дрифены — во множественном. Первый исчерпывающий отчет о них был дан англосаксонским хранителем, и мы застряли с большим количеством старых английских терминов, которыми теперь пользуемся. Дрифан — это очень старое слово. Это значит гнать, заставлять живые существа двигаться, заставлять их убегать от преследования, преследовать, охотиться, принуждать ударом, прибегать к насилию.

— Ладно, — сказал Шон. — Ничего хорошего.

— Дрифены, наверное, самые волшебные существа в галактике, — объяснил Тони. — Их звездная система доступна только через пространственный разрыв. Они волшебны, звездная система волшебна, и их планеты очень разборчивы в том, кому они позволяют входить и выходить. Мы о них почти ничего не знаем. Мы знаем, что в пределах их звездной системы есть несколько государств, и они могут воевать друг с другом, а могут и не воевать.

— Государствами правят императоры, — добавила я. — Императоры полагаются на обширную бюрократию и на сеньоров и дрихтены, для получения власти. Каждый сеньор отвечает за дрихт, сочетающий в себе клан, секту и магический орден. Дрихт существует в магическом симбиозе с территорией, которую он занимает, и его члены принимают черты того, чему посвящен их дрихт.

— Значит, если дрихт посвящен животному-хищнику, то у них развивается обоняние и растут когти? — спросил Шон.

— Иногда. — Я отпила чаю. Прямо сейчас мне понадобится целый океан чая, чтобы почувствовать себя лучше. — Например, если бы нам пришлось принимать у себя персону из дрихта огня, нам пришлось бы создать для него специальные помещения как можно дальше от главного здания, потому что «Гертруда Хант» подумала бы, что это буквально живой огонь, и попыталась бы его потушить. Гостиницы очень не любят дрифенов, чья магия пугает их, особенно если они из дрихта, который посвящен

ландшафту или растениеводству. Гостиницы, по сути своей, деревья.

Шон повернулся к Тони.

— Какой дрихт мы принимаем у себя?

Тони глубоко вздохнул.

Пожалуйста, не будь территориальным дрихтом, пожалуйста, не будь территориальным дрихтом. Я бы приняла стихийный, минеральный, животный...

— Зеленая Гора.

Я застонала.

— Прости. — Тони развел руками.

Шон посмотрел на меня.

— Зеленой Горой он называется так потому, что покрыт деревьями, — сказала я. — Один из самых худших для нас.

— Мы можем отказаться?

Я покачала головой.

— Могли бы, — сказал Тони. — Но сеньор специально запросил эту гостиницу, и ни один гость, если только он не был запрещен, не может быть изгнан из гостиницы на время пребывания в ней в День Постояльца.

— Что хуже всего, — сказала я Шону. — День Постояльца — это напоминание о тех трех днях, когда был подписан договор с Землей. Гостиницы существовали и раньше, но не в официальном качестве. В первый же день подписания договора старейшие гостиницы Китая, Королевства Аксум, империи Сатавахана, Рима, три гостиницы в Северной Америке и землях Северных Венедов приняли представителей различных галактических цивилизаций. В каждой гостинице было по три гостя, каждый из разных рас: воин, мудрец и паломник. Одним из гостей-воинов был дрифан. Его имя указано в первоначальном договоре.

— Если вы будете из всех сил отбрыкиваться и откажетесь, то к делу подключится «Каса Фелиз», — сказал Тони. — Но я бы вам этого не советовал.

Калдения стремительно вошла в комнату. Ее Милость возвела идею изящного старения в ранг искусства. На ней было темно-зеленое платье из мерцающего шелка. Ее седые волосы были уложены на макушке изящной волной, усыпанной изумрудами и украшенной платиновой филигранью. Ее макияж был тонким и безупречным, подчеркивая скулы и оживляя кожу. Это ничуть не уменьшило хищного блеска в ее глазах.

— А почему такие кислые лица? — спросила она.

— Заседание Ассамблеи отменяется. Вместо этого мы принимаем у себя сеньора дрифана, — сказала я ей.

— Из какого дрихта?

— Зеленая Гора.

Калдения пожала плечами.

— Я не сомневаюсь, что ты примешь вызов, моя дорогая. Или вы подумываете о том, чтобы отказаться?

— «Гертруда Хант» чтит День Постояльца, — сказала я ей. — Как вам хорошо известно.

— Превосходно. Жизнь дает нам очень мало возможностей показать себя с лучшей стороны, поэтому, когда появляется шанс блеснуть, мы всегда должны им

воспользоваться. — Калдения ухмыльнулась, обнажив нечеловечески острые зубы. — Кроме того, прошло уже почти две недели с тех пор, как кто-то был зверски убит. Все становится немного скучным. Мы ведь не хотим умереть от скуки, правда?

***

Официальными цветами Дня Постояльца были зеленый и пастельно-лавандовый, ближе к розовому, чем к фиолетовому, потому что первый отель, принявший трех посетителей для торжественного подписания договора, находился в Китае, и хозяин гостиницы, надеясь произвести впечатление на гостей, уговорил расцвести наперстянки, растущие на территории.

Я оглядела большой бальный зал и махнула метлой. Светящиеся туманности на потолке стали розовыми, лавандовыми и белыми на фоне космоса. Огромные светильники, подвешенные к потолку, исчезли. Новые зеленые стебли из бледного металла закручивались спиралью вокруг колонн до купола, и прорастали стеклянными цветами на целых два фута в поперечнике. Цветы наперстянки были пурпурными у основания чашечки, затем постепенно бледнели до кончиков оборчатых лепестков. Цветы задрожали и раскрылись, открывая мерцающие желтые сердцевидки и темно-фиолетовые точки, рассыпанные по всей длине изящных чашечек. Под куполом появились фонари пастельных тонов, заливая комнату мягким светом. Такие же знамена растянулись на стенах, ставших темно-зелеными. Я изменила цвет колонн на темно-красный и оглядела комнату.

Хорошо. Хотя пол не соответствовал.

На меня навалилась усталость. Раскрашивание мозаики на полу потребует много магии.

Я села, прислонившись спиной к ближайшей колонне. Чудовище, моя маленькая, черно-белая ши-тцу, подбежала ко мне и плюхнулась у моих ног. Я почесала ей животик.

Тони вернулся в «Каса Фелиз», гостиницу своего отца. Я потратила большую часть дня, готовя комнаты для дрифана. Или для дрифенов. По моему опыту, существа, обладающие властью, редко путешествуют в одиночку. Я лишила отрокарское крыло его декораций, поскольку в ближайшее время мы не ожидали большой делегации от Сокрушительной Орды, и перестроила пространство. Шон провел весь день, составляя список повреждений, нанесенных нашей обороне. Борьба с кланом межзвездных убийц принесла свои плоды, и он отправился в гараж в поисках инструментов и, в конечном итоге, вытащил запасные части из хранилища. Я несколько раз проходила мимо него по лестнице, когда он нес разные странные штуковины, которые нормальный человек не смог бы поднять. В какой-то момент он пошел чинить пушку на западной стороне, и я услышала, как он ругается на трех разных языках, пока я переделывала балкон.

К вечеру я валилась с ног. Бой с дразири повредил не только наши пушки. Пережить смерть дитя гостиницы было все равно, что впасть в коматозное состояние, вот только я была в курсе всего происходящего. Вырваться из него было самым трудным делом моей жизни. Я все еще чувствовала себя... истощенной каким-то образом. Да и гостиница отвечала не так охотно, как я привыкла. Не то, чтобы она колебалась, но связь между нами была слегка запутанной. Возможно, я смогу сделать мозаику первым делом утром.

Шон вошел в большой бальный зал. Он сменил мантию на свои обычные джинсы и футболку. Даже в человеческом обличье Шона Эванса было что-то волчье. Дело было в том, как он двигался, с обманчиво неторопливой походкой, или в том, как он держал себя наготове, или, может быть, это было в его глазах. Иногда, когда я заглядывала в них, с опушки темного леса на меня смотрел волк.

Он подошел и плавно сел на пол рядом со мной. Чудовище тут же залезла к нему на колени.

— Я ничего не могу найти о дрифенах в архивах, — сказал он. — Я прочитал отчет Виктреда в архивах гостиницы и просмотрел книги, но до сих пор ничего не нашел. Есть ли какое-то кодовое слово, которого я не знаю?

— Нет. О них просто не так уж много информации.

— Это обычно ведь записи других хранителей, — сказал он.

Мои брови поднялись.

— Я много читал, когда ты была не в себе. Гостиница помогала мне найти лекарство.

Бедная «Гертруда Хант». Бедный Шон. Я представляла себе, как он сидит в комнате, ища ответы, а гостиница вытаскивает один архив за другим. Я должна была убедиться, что такое больше не повторится.

— Ты прав, — сказала я ему. — Когда хранитель узнает что-то новое о каком-то конкретном виде, он добавляет записи в общую картотеку. В прежние времена делались записи в своих книгах. Вот почему границы так широки. Но с дрифенами все по-другому. Первоначальное руководство, полученное хранителями гостиниц, состояло в том, чтобы защитить их конфиденциальность любой ценой. Кроме того, каждый дрифан отличается от других. Существует сотни дрихтов. Можно прожить сто лет и никогда не увидеть двух дрифенов из одного и того же дрихта. На самом деле, можно прожить сто лет и вообще никогда не встретить дрифана.

— Так, что же нам делать?

— Обычно сеньоры посылают кого-нибудь вперед со своими требованиями. Мы постараемся выудить как можно больше информации и будем действовать по обстоятельствам.

Мягкий мелодичный звук прокатился по гостинице. Хмм. Кто-то заранее запрашивал бронь. Обычно гости просто появлялись. В гостинице всегда было свободное место, потому что я могла создать столько комнат, сколько требовалось гостям.

— Покажи, — попросила я гостиницу.

Потолок раздвинулся, и в мои руки упал сложенный пергамент. Шон удивленно поднял брови.

— Хозяин гостиницы до меня умер в 1980-х годах, — объяснила я. — Он был одинок, немного странен и чересчур любил антиквариат. Когда я приехала сюда, многие сообщения «Гертруды Хант» были записаны на пергаменте. Я почти все исправила, но время от времени случается что-то вроде этого. В следующий раз можно вывести на экран.

Я развернула пергамент и прочла его. Вот только этого нам не хватало. Это было похоже на настоящие адские каникулы. Я передала пергамент Шону.

Он взглянул на него.

— Семейный спор, бронь на шестьдесят одну персону?

— Похоже, что две стороны одной семьи произошли от двух братьев. Один из них уехал и основал влиятельную философскую школу на другой планете, а другой остался на родине и основал свою собственную философскую академию. Теперь они враждуют по поводу того, кого из братьев действительно можно считать основателем семьи: того, кто уехал колонизировать новую планету, или того, кто остался на своей родной планете. Они пригласили мудрого старейшину, чтобы тот разрешил их спор.

— Шестьдесят один новый гость. Это же будет хорошо для гостиницы, но ты почему-то не выглядишь счастливой.

— Они ку-ко.

Шон посмотрел на потолок.

— Покажи мне ку-ко.

Со стены соскользнул экран. На нем распростерло свое оперение существо около тридцати дюймов ростом. Мягкие кремовые перья покрывали его лицо, становясь

шокирующе розовыми на затылке и спине, и ярко-малиновыми на крыльях и пушистом хвосте. Вторая пара отростков, напоминавших передние конечности динозавра или, возможно, обезьяны, если у обезьяны каким-то образом выросли когти, торчала из-под крыльев.

Огромный хвост выдавал в ку-ко самца. Он носил замысловатую плиссированную сбрую, которая обтягивала его голову и сидела на плечах, а затем расширялась в роскошный пояс, набитый электроникой, иглами из ярких перьев и рулонами чего-то подозрительно напоминающего туалетную бумагу на широкой катушке.

Ку-ко смотрел на нас фиолетовыми глазами, распушил перья и зашагал взад-вперед, его пухлое тело покачивалось при каждом шаге.

Шон выдавил из себя улыбку.

— Они курицы.

— Технически они даже не птицы.

— Дина, к нам приедут шестьдесят одна космическая курица.

Я сдалась.

— Да.

— И они собираются спорить о философии.

— Ммм. Это означает, что они захотят иметь форум с трибуной и дискуссионным кругом, а также курятник для сна, и нам придется купить много зерна...

Он засмеялся.

— Ты не принимаешь это всерьез.

— Нам придется сказать Орро прекратить готовить курятину.

— Шон Эванс!

Он обнял меня одной рукой. Я прижалась к нему всем телом.

— Очень красивая комната, — сказал он.

Она была красивой. Было что-то неземное в этом Дне Постояльца, что-то свежее, чистое и обнадеживающее, как яркий весенний день после ужасной зимы.

— Ты организовала мирный саммит между Священной Анократией, торговцами и Сокрушительной Ордой. А потом ты напала на дразири, — сказал Шон.

— Да.

— Я никогда не видел тебя такой взволнованной. Что не так?

Я вздохнула.

— Это из-за Ассамблеи?

— Частично. Мне не нравится не знать, как у нас обстоят дела с ними, но, в конце концов, как ты сказал, они могут только понизить наш рейтинг. Они не могут забрать «Гертруду Хант», пока мы не совершим действительно ужасное преступление.

— Значит, это из-за дрифана.

— Я бросила свою гостиницу. — Слова вышли сами по себе.

Шон нахмурился.

— Я тебя не понимаю.

— Когда я прыгнула в дверь с семенем дитя гостиницы, я оставила «Гертруду Хант». Гостинице пришлось выживать без меня. Я ее травмировала.

— У тебя не было выбора.

— Я все понимаю. Но гостиница сейчас очень хрупка. Она ждет и наблюдает, и связь между нами... скорее условна. Я не знаю, боится ли «Гертруда Хант» того, что ей будет больно, или того, что мне будет больно, или, может быть, она боится, что это каким-то образом причинит мне боль. Но между нами существует некоторая дистанция. Это было не так заметно, пока не началась переделка гостиницы для Дня Постояльца, что довольно непросто и требует точности. Я чувствую это, и теперь, когда я осознаю, меня это беспокоит. Прибавь еще дрифана, и все становится чересчур...

Пол в задней части большого бального зала раздвинулся. Именно там я раньше ставила огромную рождественскую елку. «Гертруда Хант» что-то задумала...

— Мы будем день за днем возвращать все на круги свои, — сказал Шон.

Что-то гроыхнуло под полом. Массивное дерево, павловния, появилось из глубины гостиницы, раскинув огромные ветви по всему бальному залу. С длинных ветвей свисали цветочные бутоны, все еще закрытые, с легким оттенком лаванды. Я понятия не имела, что «Гертруда Хант» прятало его. Гостиница не показывала мне его последние два Дня Постояльца. Но тогда мы едва ли праздновали это событие. Трудно радоваться праздникам, когда ты знаешь, что твоя гостиница будет пуста.

— Ух, ты! — произнес Шон.

— Вот почему его еще называют деревом императрицы. Подожди, когда оно расцветет.

Магия потянула меня за собой. Кто-то пересек границу отеля.

— Задняя камера.

«Гертруда Хант» вывела на экран видео с камеры. Через заднее поле к гостинице шагал высокий мужчина. Его плечи были покрыты двухцветным плащом, темно-зеленым с одной стороны и черным с другой, искусно задрапированным и скрепленным богато украшенной металлической булавкой в форме кинжала. Металл булавки слабо поблескивал, пока он шел. Он был одет в сложное многослойное одеяние, угольно-серого цвета с ярко-зеленым акцентом, и держал длинный посох с тремя когтями на конце. Когти сжимали голубой драгоценный камень размером со среднее яблоко. Два лезвия изогнулись вокруг драгоценного камня, превращая посох в алебарду. Его голову скрывал глубокий капюшон.

Рядом с ним шло маленькое существо около трех футов ростом, держась за его плащ темно-коричневой енотовой рукой. Он был пушистый, кремово-коричневого цвета, и шел на двух ногах. На его теле мех был пышным и густым, но ниже колен и локтей он становился более гладким и темным. Длинный пушистый хвост позади него свернулся, как у белки, буквой S. Голова у него была круглая, с небольшой темной мордочкой и очаровательным кошачьим носиком. Его глаза тоже были круглыми и огромными, светящиеся бледно-желтым светом, когда они ловили угасающий свет. Его уши были слоистыми, оборчатými и дрожащими, расправленными вниз, как два висячих цветка по бокам головы. Когда он шел, то, должно быть, услышал какой-то шум, потому что его уши резко выпрямились, и он застыл в ужасе на одной тощей ноге, распушив хвост, так что мех встал дыбом, как шипы.

Человек в плаще продолжал идти.

Маленькое существо затряслось, словно не зная, что делать, и бросилось за ним, снова схватившись за край его плаща.

Прибыл представитель дрифана.

Глава 2

Шон встретил дрифана у двери. Она распахнулась прямо перед ним, и мне не пришлось просить об этом «Гертруду Хант», что сделало меня до смешного счастливой. Он бросил на гостя быстрый взгляд и отступил в сторону, приглашая дрифана войти. Персона в плаще вошла в гостиную.

— Добро пожаловать в «Гертруду Хант», — поприветствовала я. Я решила, что встретиться с ним в гостиной — лучшая стратегия. Чем меньше времени он проведет в гостинице, тем лучше.

Дрифан склонил голову набок. Маленькое существо у его ног, казалось, вот-вот упадет в обморок от напряжения.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Из-под капюшона раздался ровный голос:

— Я лучше постою.

Я села на диван. Орро маячил в дверном проеме кухни слева от меня, а Калденция сидела в мягком кресле у окна в дальнем правом углу, потягивая чай и делая вид, что она сама по себе.

Гость откинул капюшон. Тот же набор генов, что породил людей, вампиров и отрокаров, распространился далеко по галактике, но лишь взглянув на дрифана, становилось понятно, что человеческого тут осталось мало, в лучшем случае его можно было назвать дальним родственником. Его непохожесть бросалась в глаза.

Его лицо было угловатым, лишенным человеческой мягкости. Его нос был резко очерчен, как и скулы, а ноздри напоминали скорее кошачьи, чем человеческие. Светлые и темные узоры окрашивали его орехово-коричневую кожу, такую можно было бы увидеть на куске полированного красного агата. Они не были вытатуированы или нарисованы. Вместо этого они казались естественной пигментацией его эпидермиса. Его большие янтарные глаза слегка светились жутковатым светом, а рука, держащая посох, имела длинные янтарные когти. Прямые и распущенные волосы падали серым занавесом на лицо. Он был безбород, но с верхней губы свисали длинные седые бакенбарды.

— Приветствую тебя, хранительница, — мелодичным голосом произнес дрифан.

— Приветствую вас, вестник дрифенов. — Приветствием я исчерпала все знания о дрифенских любезностях из записей Виктреда. Мы были предоставлены сами себе. — Меня зовут Дина Демилль. Мужчина у двери — это Шон Эванс.

Дрифан медленно кивнул.

— Зовите меня Зедас. Моя госпожа, которой нет равных, та, чье сердце бьется с силой горного водопада, та, кто решительна, как солнце, изящна, как луна, непреклонна, как живой камень, но в то же время гибка, как поток чистой воды, бьющийся о скалы, та, кто тысячами убивает врагов, та, кто укрывает своих друзей, та, кого боятся воины, уважают ученые, любит ее дрихт и признает император, шлет вам привет.

— Круто, — сказал Шон.

Я бросила на него предостерегающий взгляд.

— Для нас это большая честь.

— Вы благословлены, ибо она выбрала этот скромный отель для своего визита в этот мир. Я здесь, чтобы показать вам внутреннее убранство ее дома, чтобы она могла чувствовать себя комфортно во время тяжелых испытаний. Смотрите внимательно, хранительница, ибо ваши глаза увидят зрелище, которого не видел ни один из ваших сородичей за сотни лет.

Зедас крутанул посохом и начертил им широкий круг. Дальше последовала рябь, как

будто воздух стал жидким. Пространство между нами замерцало, и в гостиной появилась голографическая проекция поразительной четкости. Перед нами предстал тронный зал с грубым тронном на возвышении, вырубленный из нежного, полупрозрачного белого камня, насыщенного прожилками алого цвета, местами такими частыми, что они превращали его в кроваво-красный. Резьба была настолько примитивной, что казалась почти доисторической. Я бы предположила, что это очень качественный нефрит из куриной крови, но красный цвет этого камня произошел от киновари. Киноварь потемнела до коричневого цвета из-за воздействия света. Древний трон купался в свете, льющемся из окна, и прожилки его были живыми и яркими.

Все остальное вокруг трона говорило о ремесленном мастерстве и сдержанной роскоши. Пол напоминал реку с чередующимися лентами малахита и оникса цвета теплого меда, стекающими от помоста к стенам. Деревянные колонны, квадратные и искусно вырезанные, поднимались от пола ввысь. Дерево, напоминающее акацию, покрытое прозрачным слоем смолы, было не окрашено, но отягощено рисунком. Стены соответствовали колоннам, где богато украшенные каменные рельефы чередовались с изящными металлическими экранами, изображающими странных птиц и животных с драгоценными глазами, и картинами, почти неземными в своей простоте.

Изображение сдвинулось, когда носитель камеры прошел через высокий дверной проем к внешнему балкону, который огибал все здание под выступающей крышей. Здесь пол был выложен полированным серым камнем, окаймленным такой же каменной балюстрадой. Каменные колонны поддерживали высокий карниз. За балконом простирался океан воздуха. Далеко внизу поднимались небольшие горы, покрытые деревьями, которые с такой высоты напоминали изумрудно-зеленый мох. В воздушных потоках парила огромная птица, гибрид орла и кондора, с темным сапфировым оперением. Она выглядела достаточно большой настолько, что могла унести человека.

Проекция исчезла.

— Надеюсь, этого достаточно, — сказал представитель.

Так много мелких деталей, которые должны были быть идеальными. Не было двух одинаковых панелей или колонн, и узоры были тщательно подобраны. Это была тонна работы, а нам даже не показали спальню. Насколько было известно, они спали в гнездах.

— Да, — сказала я. — Сколько существ будет сопровождать вашу сеньору?

— Со мной будет еще четверо.

Дерьмо. Мне придется сделать дополнительные комнаты.

— А каковы диетические предпочтения вашей хозяйки?

— Она предпочитает овощи и фрукты, приготовленные слабо или совсем не приготовленные, холодноводную рыбу, хорошо приготовленную, и редкое красное мясо. Для ее первой трапезы у нее есть особая просьба. В нашем языке нет эквивалентных слов, а мой рот стар и занемел на своем пути, поэтому я не могу формировать звуки. Я привел этого мелкого, чтобы он объяснил все за меня.

Он кивнул на мохнатое существо. Оно отпрянуло, но Зедас посмотрел на него. Мохнатое существо шагнуло вперед, сжав лапы в единый кулак. Мизинец на его левой руке отсутствовал, обрубок был оборван, как будто его отпилили. Он поймал мой взгляд и сжал лапки в кулаки.

— Продолжай, — сказал Зедас.

Мохнатый зверь открыл пасть, и оттуда раздался чистый голос, который должен был бы принадлежать какой-нибудь милой куколке.

— Двойной Гранд бургер с сыром, большой картофель фри и кока-колу.

Я чуть в обморок не упала.

— Было ли произношение удовлетворительным? — спросил Зедас.

— Определенно, — взяв себя в руки, ответила я.

Зедас махнул рукой. Мохнатый зверь бросился вперед и дрожащими лапками протянул мне клочок бумаги.

— Спасибо. — Я взяла бумажку. На ней красивым каллиграфическим почерком были написаны слова «Рудольф Питерсон» и последовательность цифр, которые должны были принадлежать номеру американского телефона.

Маленькое существо метнулось назад и спряталось за спину Зедаса, вцепившись в плащ и держа ткань, как щит, между собой и нами. Зедас не обратил на это внимания.

— Моя госпожа удостаивает вашу гостиницу своим присутствием и готова вынести все тяготы путешествия, чтобы встретиться с этим человеком. Он просил об этой встрече, и в своей бесконечной милости она снизошла до того, чтобы даровать ее. Вы сообщите этому человеку завтра, что его присутствие здесь необходимо в последний день пребывания в День Постояльца, в 5 часов вечера, и обеспечите моей госпоже безопасное место для этой встречи. Если он опоздает, она не будет его ждать. Если он придет рано, она не встретится с ним раньше назначенного времени. — Зедас снова посмотрел на зверя. — Пришло время для твоего второго сообщения.

Существо опустило плащ так, что было видно только его лицо, глядя на нас огромными испуганными глазами. Четкие английские слова выплеснулись наружу.

— Рудольф Питерсон — злой человек, ему нельзя доверять.

— Все понятно? — спросил Зедас.

— Мы все прекрасно поняли, — ответил Шон.

— Тогда моя миссия здесь завершена, — объявил Зедас. — Я вернусь со своей госпожой через один дневной и ночной цикл. Приготовьтесь хорошенько, хранительница.

***

Я наблюдала, как глашатай и маленькое существо исчезли на границе гостиницы. Только что они были здесь, а в следующее мгновение просто исчезли.

— Как интересно. — Калдения поднесла чашку к губам и сделала глоток чая. — Это был акераат, моя дорогая. И к тому же очень старый.

Она произнесла все три «а» так же, как в слове чашка. Я порылась в своей памяти и ничего не вспомнила.

— С ними я еще не знакома.

— Они очень редки. Они занимают единственную планету на проксимальном конце центральной полосы галактики. Это место похоже на ком скомканной бумаги — горы и долины с узкими морями между ними. Как и следовало ожидать, география подтолкнула их культуру к образованию многочисленных городов — государств, которые существуют в постоянном конфликте.

— Там нет больших стран? — спросил Шон.

— Нет. Иногда, когда завоевываются несколько городов, они объединяются в одно царство, но это ненадолго. Их ресурсы распределены относительно равномерно, и они не доверяют друг другу. Заговор акераатов. Это их национальное развлечение, спорт и соревнование за заслуги. Они шпионят друг за другом, заключают союзы, а затем наносят удары своим союзникам в спину, травят соперничающих лидеров и своих собственных, а также провоцируют рост и падение династий. — Калдения улыбнулась, как акула. — Они такие забавные.

Меня передернуло.

— Они очень востребованы в качестве консультантов и советников, но крайне неохотно

покидают свою планету. Заманить одного — это огромное благо. — Калденция опустила ресницы. — Естественно, у меня был такой.

— Что случилось? — спросил Шон.

— Он был великолепен, пока мятежники не убили его.

Ну, конечно.

Шон посмотрел на свой телефон. По его лицу я поняла, что ему не понравилось то, что он увидел.

— Что ты там увидел? — спросила я.

— Информацию о Рудольфе Питерсоне. У него есть своя собственная запись в Википедии.

— И что там говорится?

— Рудольф Питерсон является председателем и главным исполнительным директором «Питерсон групп», диверсифицированной холдинговой компании с активами в области нефти, судоходства, девелопмента недвижимости и прямых инвестиций. Википедия указывает стоимость его активов между 50 и 100 миллионами.

— Итак, сеньора дрифан едет сюда, чтобы встретиться с мультимиллионером, который является злым человеком и которому нельзя доверять, и она хочет Роял гамбургер на ужин. — Я медленно выдохнула.

— После чего возникает вопрос. — Шон посмотрел на меня. — Дина, насколько ты защищена в реальном мире?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты владелица земли, на которой стоит гостиница?

— Я владею этой землей и двадцатью тремя акрами земли позади нее. Все, что находится за гостиницей, принадлежит мне.

— В ипотеку?

— Нет, Шон. Первоначальный участок в шесть акров был предоставлен Ассамблеей по гранту. Что нерушимо. Я купила восемь акров земли сразу за нами, после того как Калденция переехала сюда, а остальные девять акров — сбоку и позади гостиницы, после мирного саммита. Я владею ими полностью без ипотеки.

— Хорошо. — Его лицо, казалось, ничуть не просветлело. — Я собираюсь позвонить Мараису.

Он вышел наружу.

Я забарабанила пальцами по подлокотнику кресла.

— Это маленькое существо говорило по-английски, как американец. Точнее, как южанин. «Бургэр». «Довэрь».

— Так ты считаешь, что его сеньора говорит также. — Калденция нахмурилась. — Как может американка стать сеньорой дрифаном?

— Не знаю. — Пазл пока не складывался.

— А что это за вообще такое Гранд бургер? — спросил Орро с порога.

Я практически подпрыгнула. Он был настолько тих, что я и забыла, что он находится здесь.

— Это бутерброд из «Пира бургеров», сети быстрого питания, — сказал ему Шон, возвращаясь в дом. Быстро он. Должно быть, он попал на голосовую почту.

— Я видел такое по вашему телевизору. Принеси его мне, и я его приготовлю.

Я вздохнула.

— Орро, если эта особа родом с Земли, родом из нашей страны, то Гранд бургер, вероятно, имеет для нее сентиментальную ценность. Она хочет вспомнить: бургер, картошку фри, кока-колу. Это дешевая еда, недостойная твоего таланта. Лучше всего просто купить его для нее.

Орро выпрямился во весь рост.

— Ты хочешь принести еду с улицы на мою кухню?

О, только не это.

— Разве я не «Красный тесак»?

Вот и приплыли.

— Разве я не готовил деликатесы с тысячи планет?

Его иглы встали торчком. Он поднял правую руку, широко растопырив когти, взывая к небесам.

— Разве я не мастер своего дела?

Он замолчал, свирепо глядя на меня.

— Безусловно, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал успокаивающе. Все это закончится катастрофой.

— Тогда ты принесешь мне этот Гранд бургер, и я его приготовлю. Ты попробуешь его и заплачешь, потому что это будет лучший Гранд бургер, который когда-либо украшал человеческий рот.

Он резко развернулся и зашагал в кухню.

— Мы должны купить ему плащ, — сказал Шон.

Глава 3

Динь. Динь.

Мягкий, настойчивый звон пробился сквозь мой сон. Мне было так тепло и уютно. Моя подушка была мягкой, одеяло — как облако, а сильная горячая рука Шона обвилась вокруг моей талии.

Динь. Динь.

Ммм... Я придвинулась ближе к Шону. Такой теплый...

ДИНЬ. ДИНЬ.

Я открыла глаза. Небольшой экран завис примерно в четырех дюймах от моего лица. В углу бледно-зеленым мигал маленький индикатор: 05:00. Поле позади гостиницы было сплошь покрыто пожухлой травой и сорняками, небо было еще темным, но уже начинало светлеть. Рябь в ткани существования висела горизонтально примерно в трех футах от земли...

Я резко выпрямилась на кровати. Шон схватил меня, оттащил назад, перепрыгнул через меня и приземлился на ковер, держа в руке зловеющий зеленый нож. Он оглядел комнату, балансируя на носках, держась между мной и угрозой.

Офигеть.

— Что такое? — спросил Шон, и в его голосе послышалось низкое рычание.

— Ку-ко! — я вскочила с кровати и бросилась к мантии, висевшей на крючке.

— Они должны были появиться только сегодня вечером.

Я натянула на себя мантию.

— Они приехали на пятнадцать часов раньше.

Через тридцать секунд я выскочила из гостиницы на заднее крыльцо. Холод кусал мои голые ноги под мантией. Я едва успела натянуть мантию поверх ночной рубашки. У меня замерз нос. На мне были маленькие лавандовые кроксы с меховой подкладкой, которые я носила как домашние тапочки, потому что это было все, что я смогла быстро найти. Рядом со мной стоял Шон в своей собственной медной мантии.

Рябь усилилась, пульсируя, как будто невидимый поплавок танцевал в воздухе.

— Ты всегда спишь с ножом? — пробормотала я.

— Да.

Если сказать ему, что ему нечего бояться внутри «Гертруды Хант», это ничего не даст. Он и так это знает. Еще один шрам Нексуса. Со временем все наладится. По крайней мере, я на это надеялась.

В центре ряби вспыхнул желтый огонек, и над ним, словно из подземной пушки, выскочило круглое оперенное тело. Ку-ко расправил свои красновато-коричневые крылья, завис на долю секунды, его большие фиолетовые глаза широко раскрылись, и он приземлился на землю с пронзительным криком. Его перья встали торчком, а кожаный фартук слегка съехал набок.

Шон выругался.

Выскочил еще один ку-ко, потом еще и еще, потом по два за раз, как будто на нашем заднем дворе образовался гейзер из ку-ко. Ку-ко разделились на две примерно равные группы: те, что имели в основном красноватое и розовое оперение, и те, что имели бледно-лиловое и зеленое. Наконец, более старый, почти полностью белый ку-ко выпрыгнул из ряби и приземлился перед двумя группами. Два молодых ку-ко, с бирюзовыми перьями, окружили его с обеих сторон. Левый ку-ко протянул ему искусно вырезанную трость. Правый ку-ко протянул сложный головной убор из витой металлической проволоки, усыпанной драгоценными камнями, который он надел на голову старейшины, застегнув ремешок под подбородком.

Старейшина выпрямился в полный рост, который составлял около трех футов, три с половиной, если считать шляпу, поправил головной убор, прежде чем тот соскользнул с его головы, и направился к нам.

— Приветствую тебя хранительница, приветствую тебя тирсэль.

Должно быть, он использовал термин для приветствия мужчины-военного, и его имплантат в конечном итоге исказил его. Если Шон и был удивлен тем, что к нему обращаются как к самцу ястреба, то никак этого не показал.

Я кивнула.

— Приветствую вас, почтенный Первый филолог. Мы ждали вас сегодня вечером.

Старейшина ку-ко прочистил горло.

— Да, ну, хм, мы бы приехали сегодня вечером, если бы некоторые шумные члены клуба не начали дебаты о недостатке добродетели у тех, кто опаздывает.

— Если ты не пришел на пятнадцать минут раньше, значит, ты опоздал, — сказал Шон.

Старейшина указал крылом на Шона.

— Вот именно! В этой дискуссии о том, насколько раньше надо появиться, никто не хотел быть позже своего оппонента, поэтому, когда дебаты достигли своего шестого часа, дискуссии пришлось прервать, чтобы все могли переправиться, прежде чем начнут летать перья. Я приношу свои извинения от имени своих братьев. Надеюсь, наши комнаты готовы?

Слава галактике, что я вчера потратила несколько часов, создавая их курятники.

— Ну конечно, да. Следуйте за мной, пожалуйста.

Я шагнула в дверь. Старейшина и двое его помощников последовали за мной. Две группы ку-ко выстроились в две колонны, по две в ряд, и попытались войти в гостиницу одновременно. Две колонны наткнулись друг на друга. Послышался возмущенный вопль и легкие пихания, сопровождаемые поднятыми перьями. Ни одна из групп не выказала ни малейшего желания пропустить другую вперед. Очевидно, маневр слияния молнии-застежки не был их сильной стороной.

Я расширила дверной проем. Ку-ко по краям споткнулись, внезапно отцепились, выпрямились и двинулись вперед, подняв клювы вверх, не обращая внимания друг на друга. Это будет веселый визит.

Гостиница сканировала их, когда они проходили через дверь. Я поставила только одно условие для проведения этих дебатов: никакого оружия. Никаких сигналов тревоги не раздалось. Ку-ко были чисты.

Я повела их вглубь гостиницы, мимо портрета моих пропавших родителей. Никто из ку-ко на него никак не отреагировал. Однажды кто-нибудь узнает моих родителей, и тогда ничто не помешает мне найти их.

Мы прошли по длинному коридору к двери. Та распахнулась при моем приближении, и мы вошли в большую, хорошо освещенную комнату. В центре рядами разместились скамьи, по три с каждой стороны, расположенные как трибуны, причем самая дальняя скамья от центра была самой высокой. Между скамьями находилось открытое пространство с единственной трибуной. Перед трибуной стояло большое, похожее на трон кресло, окаймленное двумя стульями поменьше, по одному для каждого из помощников старейшины.

В противоположных концах комнаты разместились два больших курятника ку-ко, приподнятых над землей на традиционные пять футов, с туалетной комнатой в дальнем конце и впереди с двумя ваннами: одна с водой, другая с мелким нагретым песком. Внутренний канал шириной в тридцать футов, заполненный водой, отделял каждый курятник от амфитеатра, через который был перекинут арочный мост.

Как и многие разумные крылатые существа, ку-ко утратили способность летать, когда их ум и ловкость стали важнее. Крылья не помогали никому пользоваться инструментами или выполнять математические вычисления. Но ку-ко все еще могли скользить и прыгать на большие расстояния. Типичный прыжок для ку-ко был около двадцати футов, и они ненавидели плавать. Перспектива приземления в воду заставила бы даже самого безрассудного ку-ко дважды подумать.

Я указала метлой на роскошный курятник прямо за амфитеатром.

— Это ваши личные апартаменты, Первый филолог. Оба моста складываются назад. Гостиница будет слушаться только вас, и если вы пожелаете, вы можете убрать мосты, когда возникнет такая необходимость. Просто сказав «свернуть», вы сможете держать две группы разделенными. Скажите «развернуть», чтобы снова раздвинуть мосты. Пожалуйста, попробуйте прямо сейчас.

Первый филолог прочистил горло и взмахнул правым крылом.

— Свернуть.

Мосты втянулись.

— Развернуть. Свернуть. Развернуть. Очень хорошо.

Старейшина осмотрел каналы и курятники.

— Они точно такие же?

— Идентичные.

— Хорошо, Хорошо, хорошо. Разделенные, но одинаковые. Спасибо тебе, хранительница.

— Завтрак и все ваши блюда будут подаваться здесь. Мы просим вас оставаться в этой комнате все время для вашей безопасности. Мы ждем сеньору дрифана.

Старейшина резко повернул голову, чтобы посмотреть на меня, и его головной убор чуть не съехал. Один из его помощников вскочил и вернул его на место.

— Понятно, — сказал старейшина. — Я буду сдерживать свою стаю.

— Если вам что-нибудь понадобится, произнесите мое имя, и гостиница свяжется со мной. Меня зовут Дина.

— Очень хорошо, Дина. Меня зовут... ну, на самом деле, оно слишком длинное. Пожалуйста, зовите меня Первым филологом Теком. — Он повысил свой голос. — Пойдемте, ученики-мыслители. Давайте устроимся с комфортом.

Ку-ко потоком проходили мимо меня, направляясь прямо к амфитеатру.

Я склонила голову, протискиваясь наружу.

Из коридора Шон наблюдал, как я тактически отступаю. Дверь за мной закрылась, и я прислонилась к стене коридора.

— Они устроились?

— Вроде. До сегодняшнего вечера мы не узнаем, насколько хороши курятники.

Он удивленно поднял брови.

— Столько времени займет у них выяснение, какой из идентичных курятников они могут занять. — Я двинулась дальше по коридору. Теперь сна не было ни в одном глазу. Я бы выпила чашку крепкого чая и поработала бы над апартаментами дворца дрифана.

— Когда ты хочешь позвонить злому миллионеру? — спросил он.

— Не знаю. Это номер с восточного побережья. Где-то в десять?

— Меня позови.

— Хорошо, — пообещала я и поцеловала его.

***

Заказанная первым делом первая партия из десяти Гранд бургеров прибыла в 6.15 утра. В отличие от большинства сетей быстрого питания, которые не продавали бургеры на гриле до 10:00 утра или около того, потому что они подавали еду для завтрака, «Пир бургеров» доставлял бургеры в любое время дня и ночи.

Орро изучал коллекцию бургеров так же, как охотник изучает добычу. Его длинный чувствительный нос дернулся. Он развернул один из них, с хирургической точностью двигая своими страшными когтями, чтобы снять фирменную оранжево-фиолетовую обертку, поднял бургер на уровень глаз, оценил мясо, снял булочку, посмотрел на котлетку, приправленную специальным соусом, положил булочку обратно и, наконец,

откусил кусочек.

Тишина.

Орро прожевал.

Ни звука.

Он повернулся и выплюнул бургер в мусоропровод.

— Она хочет этого?

— По-видимому.

— Это же не еда. Это преступление против искусства приготовления пищи.

Было 9:50 утра, когда Орро сделал свой седьмой гамбургер, первый, который он счел достаточно хорошим для меня, чтобы попробовать. Теперь он лежал на тарелке, ожидая моего вердикта.

Я откусила кусочек. О, моя галактика!

Орро навис надо мной.

— Ну, и как?

— Мммхгхпх. — Я судорожно сглотнула. — Это самый лучший гамбургер, который я когда-либо пробовала.

— По вкусу он напоминает Гранд бургер?

— Не-а. Он вкуснее.

Он отобрал гамбургер.

— Орро!

Гамбургер полетел через всю комнату в мусорное ведро. Я чуть не заплакала.

— Я не понимаю, как они достигают такой неестественной структуры, — пробормотал он. — И почему кто-то это ест.

— Это быстрая и дешевая еда. Кажется вкусной, когда ты голоден.

— Калловинианские паукообразные кальмары тоже очень вкусны, когда человек голоден, но это не значит, что нужно готовить их самому.

Я понятия не имела, каковы на вкус калловинианские кальмары-пауки, и почему готовить их было плохой идеей, но сейчас было самое подходящее время, чтобы отговорить его от поисков загадки бургера.

— Как я уже говорила, эта еда недостойна твоего мастерства. Это ниже твоего достоинства.

Он выпрямился во весь рост. Его грудь расширилась.

О, нет.

— Я продублирую его! Абсолютно!

— Орро...

— ОГОНЬ!

Он резко обернулся. Гостиница открыла перед ним дверь кладовой, и Орро исчез в кармане внутри реальности, чтобы поискать ингредиенты.

Я потерла лицо руками. Шон вошел в дверь и приземлился на стул рядом со мной, по

пути положив руку мне на плечо.

— Не получилось? — пробормотал он.

— Огонь, — ответила я ему.

— Так хорошо, да?

— Я нахожусь на крошечной планете, и в мою сторону движется комета, и я ничего не могу с этим поделать. — Я подняла трубку телефона. — Готов?

— Готов.

Я набрала нужный номер. Один гудок, второй...

— Да? — в трубке раздался отрывистый мужской голос. Этот человек казался слишком молодым, чтобы быть Рудольфом.

— У меня сообщение для мистера Рудольфа Питерсона.

— Слушаю.

— Вы мистер Питерсон?

— Я передам ему ваше сообщение.

— Я предпочту передать ему лично.

— С этим проблема.

Я взглянула на Шона. Он кивнул. У нас просто не было выбора.

— Передайте ему, что встреча, которую он так долго ждал, состоится 16 января в 17.00 по Центральному времени по следующему адресу. — Я продиктовала ему адрес «Гертруды Хант». — Временной интервал для этого визита очень короткий. Он не должен опаздывать, иначе не застанет ее.

— Понял.

Мужчина повесил трубку. Ну, вот и все.

— Я проверил Питерсона, — сказал Шон.

— Что ты выяснил?

— Он засранец.

— Ладно. Сильное заявление, но не информативное.

Шон откинулся назад.

— Он заработал свои деньги на недвижимости. Он начинал как агент, а потом стал застройщиком. Когда случился жилищный кризис, многие строительные компании потерпели крах, и он по дешевке скупил их оборудование и землю, на которой они застряли. Он также нанял большинство своих бывших конкурентов в качестве менеджеров проектов в комплекте с их рабочей силой. Его люди вывернули это так, словно он герой, раз дает безработным предпринимателям шанс поставить еду на стол. На самом деле он заключил с ними ограничительные контракты с отказом от конкуренции, что фактически сделало его единственным строителем на нескольких ключевых рынках в Аризоне, Колорадо и Юте. В некоторых случаях заработная плата не выплачивалась, и пособия не предоставлялись. Когда люди жаловались, он их увольнял. Если они продолжали жаловаться, он тащил их в суд. Он очень верит в соглашение о неразглашении.

— Звучит все хуже и хуже.

— Одна аризонская газета написала о нем статью, и он подал стратегический иск против

участия общественности. Это тянулось три года. Газета, в конце концов, выиграла суд, но иск занял так много времени, что они тем временем обанкротились и были вынуждены закрыться. К этому моменту он уже перешел на другие виды бизнеса. Песня новая, вот танец тот же — он нацеливается на предприятия на грани банкротства, дешево их скупает, а затем наживается на их отчаянии.

Мне все это не нравилось. Рудольф Питерсон был из тех людей, которые могут причинить неприятности, а я хотела избежать неприятностей любой ценой. У меня и так было полно дел.

— Не волнуйся, — сказал Орро, выходя из кладовой и холодильной камеры с кучей продуктов в руках. — Если этот человек создаст нам проблемы, мы накормим его Гранд бургерами. Как только он съест достаточное их количество, его тело, несомненно, потерпит неудачу.

Если бы все было так просто.

***

Я провела все утро, переделывая комнаты дрифенов. Дистанция между мной и «Гертрудой Хант» все больше ширилась. Я чувствовала это каждый раз, когда мне нужно было сделать что-то сложное. Это было все равно, что пытаться сделать сложный рисунок тупым карандашом. Я могла бы заставить гостиницу делать то, что я хочу, но это требовало большой концентрации и периодических переделок.

Я никогда в своей жизни не испытывала ничего подобного. Я родилась в гостинице, всю мою жизнь ее присутствие было постоянным, она была третьим родителем, всегда готовым подхватить меня, если я споткнусь. Вчера я прочитала несколько дневников хранителей, которые «Гертруда Хант» хранила в своей базе данных, ища кого-то, у кого возникали проблемы с моими симптомами. Но я ничего не нашла. Отдаление было налицо, и чем больше я его ощущала, тем ближе подбиралась к панике.

Я не могла сказать, стало ли мне лучше или хуже. В конце концов я присела на украшенную орнаментом лестницу, чтобы перевести дух и отдохнуть, чувствуя, «Гертруду Хант» вокруг себя.

— Все в порядке. — Я погладила ступеньки кончиками пальцев. — Мы с этим разберемся. Не беспокойся. Я никуда не собираюсь уходить.

Там меня и нашел Шон.

Он вошел в дверной проем с размеренной грацией, без лишних движений, без отклонений от курса, и направился прямо ко мне. Чудовище следовала за ним, издавая счастливые фыркающие звуки.

Он сел рядом со мной и посмотрел на мою работу.

— Красиво.

— Спасибо. Как там наши системы вооружения?

— Убийственные. — Он вложил в это слово тонну сарказма.

— На самом деле?

— Нет. Северная пушка частично разгромлена. Один из дразири, должно быть, послал в нее дальнобойный тепловой заряд. Все поджарилось. Эти ЧЕРТОВЫ агрегаты не хотят со мной разговаривать.

— Я купила их подержанными у одного мородиаканца. Гостиница частично интегрировала их, но если тебе надо запустить диагностику, тебе надо говорить на их языке.

— Значит, я должен рычать на эти ЧЕРТОВЫ агрегаты?

— В значительной степени. Шон, я знаю, ты умеешь рычать. Я слышала, как ты это делаешь.

Его верхняя губа дрогнула в оскале, выдавая проблеск клыков.

— Ох, как страшно. У мородиаканских ЧЕРТОВЫХ агрегатов нет ни единого шанса.

— Ты что, смеешься надо мной?

— Ага.

Я прижалась к нему всем телом. Он приобнял меня рукой.

— Нам нужна модернизация. Или хотя бы починить то, что есть, — сказал он. — Пушки «Стелс» спереди в хорошем состоянии, но это антиквариат. Около трети дальнбойных орудий, которые смотрят на поле, вышли из строя, и только использовав жевательную резинку и скотч, я могу что-то сделать. Нам нужна замена.

Я не могла с этим поспорить. Мы получили серьезную взбучку. Я знала, что противостояние с дразири будет дорого стоить, когда бралась за эту работу, но стоять в стороне, когда уничтожается целый вид, было выше моих сил.

— Я бы сделала это снова, — сказала я ему. — Я бы снова приютила хиру.

— Ну конечно, ты бы так и сделала. И именно поэтому мне нужно, чтобы ты открыла для меня дверь в Баха-чар.

— К Уилмосу собрался?

Шон кивнул.

Уилмос владел оружейным магазином на галактическом базаре. Он также руководил бригадами наемников и заключал сделки между частными солдатами и людьми, которые хотели их нанять. Как и Шон, он был оборотнем без планеты, и именно он дал Шону работу на Нексусе. И маленькая часть меня беспокоилась, что как только Шон откроет дверь Уилмоса, он уже не вернется назад.

Острая и холодная тревога пронзила меня.

Я не могла привязать Шона к гостинице. Если он захочет уйти, значит уйдет. Это означало бы, что нам не суждено быть вместе. Я должна буду отпустить его.

Вернуть оружейные системы обратно в строй будет дорого стоить, а мне очень хотелось иметь денег про запас, на случай, если дрифены или Ассамблея подбросят проблем. Я мысленно провела инвентаризацию наших средств.

Агрх.

— Как много тебе надо?

Шон задумался и повернулся ко мне с серьезным выражением лица.

— Один доллар. А может, и три.

Я закатила глаза.

— На Нексусе мне хорошо заплатили.

— Это твои деньги. Ты их заслужил.

— Чертовски верно, и я буду тратить их так, как мне заблагорассудится. Прямо сейчас я богаче тебя.

— Откуда ты знаешь?

Он усмехнулся.

— Я спросил гостиницу. Она не открывает мне дверь в Баха-чар, но зато дает мне полный

доступ к твоим финансам. Я могу ограбить тебя вслепую.

— Ты думаешь, что можешь. Серьезно, сколько нам нужно?

— Я ничего не узнаю, пока не доберусь туда. Дина, ты должна решить, будем мы вместе или нет.

— А какое это имеет отношение к делу?

— Если я собираюсь жить здесь, ты должна позволить мне внести свой вклад. Это справедливо. Ты отвечаешь за гостей, а я отвечаю за их безопасность. Вот чем я занимаюсь.

И он был прав. Это было справедливо.

Я оттолкнулась от лестницы.

— Я открою тебе дверь. Но только если ты пообещаешь не тратить все, что у тебя есть, на модернизацию гостиницы. Ты истекал кровью из-за этих денег.

— В основном я заставлял других людей истекать кровью из-за этих денег. — По его лицу пробежала тень. — Теперь я использую их для чего-нибудь хорошего. Для того, что мне нужно.

Мы вместе прошли на кухню.

— Ты вернешься домой к обеду?

— Я постараюсь, — пообещал он.

Глава 4

Отделка помещений дрифенов заняла целую вечность. Мало того, что все должно было быть замысловато и богато украшено, так мне еще было трудно сосредоточиться. Я все время беспокоился о Шоне, об Ассамблее, о приезде дрифана, о Рудольфе Питерсоне...

Магия потянула меня за собой. Калденция хотела привлечь мое внимание. Я открыла маленький двусторонний экран на ближайшей стене.

— Да, Ваша Милость?

Калденция пристально посмотрела на меня.

— Уже три часа, моя дорогая.

В три часа мы пили послеобеденный чай, при условии, что гостиница не подвергалась нападению и не была полна заклятых врагов, пытающихся установить хрупкий мир.

— Сейчас буду.

Я могла бы сказать «нет». У меня было слишком много дел и слишком мало времени. Но я тоже скучала по нашим чаепитиям. Несколько месяцев назад в гостинице жили только мы с Калденцией, и даже после того, как Орро поселился у нас, он редко присоединялся к нам за чаем. В конце концов мы уговорили его поужинать с нами, но он действительно чувствовал себя более уютно, сидя на кухне и исподтишка наблюдая за выражением наших лиц, пока мы ели его блюда. Пару раз я осмеливалась приготовить ужин, чтобы он мог отдохнуть вечером. Оба раза я нацеливалась на простые вещи, такие как стейк или жареная курица. Он съедал еду, а потом неловко похлопывал меня по плечу или по голове, в зависимости от того, что было ближе, чтобы я знала, что она не совсем вызвала у него отвращение. Но мы с Калденцией любим посидеть вдвоем, поэтому я с удовольствием выпью с ней чаю.

Через тридцать секунд я вошла в чайную комнату. Я создала ее несколько месяцев назад

по заданию Калдени. Она хотела сидеть высоко и наслаждаться видом, поэтому я построила небольшую башенку рядом со столовой, и чтобы добраться до нее, нужно было подняться по короткой лестнице. Сегодня лестница казалась немного утомительной. Возможно, я сделала ступеньки слишком крутыми.

Как и все места, которые занимала Ее Милость, чайная комната была непримиримо роскошным и в то же время элегантным помещением. Окна занимали три четверти площади круглой комнаты, открывая прекрасный вид на район Авалон, расположенный прямо через дорогу от нас. У меня был выбор между садом и улицей, и я выбрала улицу, потому что Калденция любила наблюдать за людьми. Размышления о приходах и уходах наших соседей доставляли ей бесконечное удовольствие, и она предсказывала романы и с пугающей точностью, определяла разводы и увольнения. Никто из соседей даже представить не мог, что бывшая галактическая тиранша наблюдает за каждым аспектом их жизни.

Я пересекла палисандровый пол и присоединилась к Калдени за круглым столом в центре комнаты. Стол был вырезан лазером из куска граната, добытого за много световых лет отсюда, и Калденция обожала его. Она сказала, что он напоминает ей кристаллизованную кровь.

Я взяла маленький стеклянный чайник, налила жасминовый чай в чашку Ее Милости, наполнила свою и сделала глоток. Ммм, очень вкусно.

Калденция вдохнула аромат и осторожно сделала крошечный глоток. На несколько минут воцарилась тишина, и я почувствовала, как узел в моем животе медленно распутывается.

— Огонь!

Я поморщилась.

Калденция усмехнулась.

— Это не смешно.

— Напротив, это довольно забавно.

Я отпила еще чаю.

— Я не знаю, что нашло на Орро. Обычно он драматичен, но это слишком даже для него. Эти все громкие заявления и «Огонь!».

Калденция снова усмехнулась.

— Он собирается устроить гостинице сердечный приступ. Раньше он никогда так дурно не поступал. Я не понимаю, что случилось.

Калденция посмотрела на меня поверх края своей чашки.

— Давай просто скажем, что твое мучение сказалось на всех нас, дорогая. Когда ты сидела там, как кукла, и твой оборотень носил тебя повсюду, пока гостиница подвергалась нападению, даже я испытывала эмоциональный дискомфорт. Конечно, это было мимолетно. Я довольно быстро пришла в себя, но мгновенная боль была вполне реальна. Это создание на кухне, пожалуй, самое чувствительное из всех нас. Это сильно потрясло его.

А я и не догадывалась. Я была так сосредоточена на всем, что нужно было сделать, и так поглощена простым счастьем быть с Шоном, что мне никогда не приходило в голову, что Орро расстроен.

— Ты его спасительница, — продолжала Калденция. — Ты нашла его на самом дне, живущего в нищете, без плана и цели, и ты спасла его и привела сюда. Для него, да и для меня эта гостиница и ты сама — убежище, дом, чтоб ты знала. Если бы что-то случилось с кем-то из вас, мы просто оказались бы в подвешенном состоянии. Это ужасная перспектива.

— Я этого не осознавала.

— При обычных обстоятельствах у нас было бы достаточно времени, чтобы... как там это чудесное слово? Обработать все. Однажды, когда я была еще совсем молода, я наняла эскадрон наемников яко. Таких злобных воинов, свирепых и безжалостных, облаченных в естественную чешуйчатую броню с когтями длиной в три дюйма и зубами под стать. Как только я осадила Лорекат, они прорвались сквозь щиты и перебили тысячи людей. Это была мясорубка. Улицы буквально залились кровью.

Она сказала это с удовольствием, как большинство женщин ее возраста сказали бы: «мой муж взял меня в круиз, и там было бесплатное вино».

После того как мы взяли город, лидер яко сообщил мне, что они уезжают. Я предлагала им деньги, добычу, услуги, но все это не имело никакого значения. Их генерал сообщил мне, что отнятие жизни было травмирующим занятием, и теперь они должны были восстановить равновесие своих душ. Все они должны были вернуться домой, обнять своих жен и детенышей и высиживать яйца. Яко жаждали мира и покоя, и никакие богатства не могли заменить их. Это научило меня, что после каждого периода стресса должно быть время отдыха и размышлений. Это единственная причина, по которой я все еще жива.

Ух, ты!

— Наш период покоя и размышлений был прерван. Мы все справляемся так хорошо, как только можем. Я делаю это, попивая чай и наблюдая за войной разводов Лоуренсов. Орро делает это, пытаясь отказаться от десятилетнего кулинарного обучения, чтобы воссоздать уличную еду второсортного качества. Каждому свое.

— Чем я могу помочь?

Она пожала плечами.

— Совсем ничем. Просто побудь немного невредимой, и все вернется на круги своя. Чем более нормально ты будешь себя вести, тем быстрее мы расслабимся и погрузимся в блаженное благодушие. Разумные существа — великолепные лжецы. Мы наделены беспрецедентной способностью отрицать то, что делает нашу жизнь неприятной. Мы даже притворяемся, что смерть не является определенностью, потому что осознание собственной смертности сводит нас с ума.

Нормально. Очень хорошо. Я могу нормально.

— Лоуренсы разводятся? Они казались такой милой парой.

Глаза Калдени сверкнули.

— О, это отвратительно. Очевидно, Елена решила, что их брак был недостаточно пикантным, и она уговорила Тома вступить в клуб свингеров.

— Том и Елена? Дальше по улице? — Я даже не знала, что в Ред Дире есть клуб для свингеров.

— Да.

— Не она ли учительница средней школы?

— А он работает в «Федерал Экспресс». — Калденция усмехнулась, показав свои острые зубы.

— Дальше все стало еще интереснее. Единственное нерушимое правило свингерского клуба — нельзя влюбляться, а Елена, как это называют дети, поймала чувства к менеджеру клуба. Том обнаружил это, съехал и забрал детей. А теперь их ждет развод и неприятная борьба за опеку.

— Реально?

— Да. Елена и ее новый кавалер живут в доме, и на их подъездной дорожке постоянно стоят странные машины. А тут мимо проехал фургон из «Цифрового мира», и Маргарет показалось, что она видела, как заносили кучу камер. Она уверена, что они снимают

порнографию.

— Шокирующе. — Маргарет жила через дорогу от Лоуренсов, и так как она работала в саду, то всегда была дома.

— Я все понимаю. Вертеп беззакония прямо у нас под носом. Но самое прекрасное, что Том уговорил Маргарет позволить ему установить камеры на ее доме. Он снимает свой старый дом двадцать четыре часа в сутки, надеясь получить достаточно компромата, чтобы выиграть единоличную опеку. Маргарет дала мне свой пароль, и я могу войти прямо в ее компьютер через Wi-Fi и смотреть запись, когда захочу. Это восхитительно.

Я подавила стон.

— Значит, вы с Маргарет составляете список всех, кто приходит и уходит из этого дома?

— Ну, конечно же. Надо искать развлечения там, где это возможно, дорогая. Мы разработали систему ранжирования для посетителей. Не хочешь посмотреть?

Я открыла рот, чтобы ответить. Гостинца звякнула, проецируя изображение Тека. Головной убор Первого филолога сидел косо, его перья торчали во все стороны. Он полностью выпрямился, что заставило его выглядеть вдвое больше. Возмущенные вопли, визг и глухие удары наполнили комнату. Перья разлетелись по залитому кровью полу. Тело ку-ко пронеслось в воздухе позади Тека с пронзительным боевым визгом. Тек схватился за свой головной убор и пригнулся, перекрикивая шум:

— Мне нужна помощь!

Я в извинении развела руками в сторону Калдени и побежала прочь.

***

Просто удивительно, как быстро хранитель может передвигаться по гостинице, если его правильно мотивировать. Мне потребовалось три секунды, чтобы оказаться в середине схватки ку-ко, и полсекунды, чтобы щелкнуть пальцами. В потолке образовались отверстия, выпустив металлические клешни длиной в пять футов на гибких металлических хвостах. Каждая клешня имела шесть зубцов, покрытых толстым слоем резиноподобного полимера, что делало их гладкими и слегка пружинистыми. Клешни нырнули в рукопашную схватку, схватив ку-ко. Как только цели были пойманы, зубцы клешней сомкнулись, образуя вокруг ку-ко клетку, и втянулись обратно к потолку. Философы разбегались, но мои клешни были быстрее.

Последний ку-ко рванул к левому каналу в отчаянной попытке ускользнуть, но последняя клешня вцепилась в него, аккуратно подхватывая.

Первый филолог устался на ряд клеток, подвешенных прямо под потолком.

— Хорошо. Я никогда раньше не видел такого устройства. Очень эффективно.

— Спасибо.

Большинство бойцов сдались, но несколько ку-ко все еще бились о прутья своих клеток, охваченные боевым безумием. Я тщательно спроектировала решетки. Они выгибались наружу с каждым ударом, не давая ку-ко пораниться.

— Последняя гостиница, которую я посещал, залила комнату клеем, — признался Тек.

— Я знакома с этим методом, но в последний раз, когда он применялся, один из гостей запаниковал и прокусил клювом собственную ногу, пытаясь убежать.

— Я тоже слышал об этом. Действительно, ваш метод намного лучше.

Ку-ко были маленькими и пухленькими, но очень проворными, и когда они были возбуждены, они металась вокруг, как широкий принимающий с футбольным мячом в руках. Хранители гостиниц веками пытались решить проблему их сдерживания. Все — от импульса ослепительного света до нокаутующего газа — было уже испытано. К

сожалению, свет вызвал частичную слепоту, нокаутующий газ приводил, по меньшей мере, к одному смертельному исходу, а запирающие их в собственных крошечных камерах привело к глубокому психологическому срыву. Ку-ко жили стаями. Отделение их друг от друга приводило к немедленному и острому всплеску тревоги, особенно если использовались методы со светом и со звуком. Клетки были моим ответом. Они все еще могли видеть друг друга, они могли кричать друг на друга, их движения не были сдержаны, но они не могли причинить вреда себе или друг другу.

Центр потолка каждой клетки осветился, сканируя находящихся внутри существ. Тонкий стебель вырос из-под пола прямо передо мной и превратился в экран. Я просмотрела результаты сканирования.

— Две сломанные кости, три вывихнутых крыла и дюжина мелких рваных ран. Мои поздравления, Первый ученый. Никто не погиб, и никто не потерял глаз.

— Какое облегчение, — вздохнул Тек.

Пол гостиницы ошетили соплами. Над амфитеатром поднялся дезинфицирующий туман, смывая кровь и кляксы фекалий с пола, сидений и подиума.

— Если позволите, можно узнать, какова цель этого маленького тигра? — спросил Тек.

Я обернулась. Олазард, иначе известный как Потрошитель душ, сидел у двери.

— Что ты здесь делаешь?

Большой кот мейн-кун посмотрел на меня своими большими зелеными глазами. Я спасла его из стеклянной клетки в соседнем зоомагазине около года назад. Теперь он ходил по гостинице, как ему заблагорассудится, и по какой-то таинственной причине «Гертруда Хант» устраивала его странствия.

— Он домашнее животное, — объяснила я.

Олазард выбрал именно этот момент, чтобы подойти и потереться о мои ноги. Я взяла его на руки, и он растянулся у меня на руках, мурлыча во весь голос. Я крепко держала его. Тек был достаточно крупным с точки зрения ку-ко, технически слишком крупным, чтобы считаться добычей домашней кошки, но осторожность никогда не помешает.

— На сегодня дебаты закончены? — уточнила я.

Тек оглядел свисающие клетки.

— К сожалению, нам необходим период медитации.

Я махнула рукой. Клетки скользнули в противоположные стороны зала. Мосты отодвинулись, и когти выпустили своих пленников, которые скользнули на пол возле своих соответствующих курятников. Философы спотыкались, пытаясь восстановить хоть какое-то чувство собственного достоинства. Из пола выскользнули две автоматические медицинские камеры, похожие на шестифутовые блестящие металлические сферы. Сферы открылись, и к ним неторопливо подошел первый из раненых бойцов.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — заявил Первый филолог.

Магия потянула меня за собой. Кто-то припарковался возле гостиницы.

— В таком случае прошу меня извинить, — сказала я. — Я нужна в другом месте.

— Благодарю вас за своевременную помощь, — поблагодарил Тек.

Я кивнула, вышла в коридор и опустила Олазарда на пол.

— Держись подальше от ку-ко.

Олазард заурчал.

— Я серьезно. Они убьют тебя, и это не просто слова.

Олазард потянулся. Почему я вела этот разговор с котом, было выше моего понимания.

Чудовище бежала по коридору ко мне, взрываясь лаем. Должно быть, она вышла наружу через собачью дверь, и ей не понравилось то, что она там обнаружила.

— Видео с передней камеры.

Я решительно зашагала по коридору. Видео с передних камер гостиницы скользило по стене передо мной, стараясь не отставать. С заднего сиденья черного внедорожника вышел подтянутый мужчина в черном костюме, огляделся и открыл переднюю пассажирскую дверь. Из машины вышел пожилой мужчина в дорогом плаще и темных очках и устался на «Гертруду Хант».

По какой-то причине описание Шона заставило меня предположить, что он будет выглядеть как славный парень или как версия человеческого стервятника с лысой головой и глазами-бусинками. Этот человек был совсем не таким. Высокий и подтянутый, он чувствовал бы себя как дома на улицах Лондона или Нью-Йорка. Кожа у него была золотисто-бронзовая, как в модных журналах у моделей, которые всем своим видом кричат о здоровье, богатстве и отдыхе в тропических странах. Черты его лица были универсально красивы: четко очерченный подбородок с ямочками, квадратная челюсть, широкий рот, сильный нос, резко очерченные скулы и широкий лоб. Его густые волнистые волосы, когда-то темные, а теперь посоленные изысканным серебром, были длиннее короткой мужской стрижки. Они были короче на висках и достаточно длинные, чтобы уложить их на макушке.

Он мог быть уроженцем Средиземноморья, Ближнего Востока или Латинской Америки, а мог быть и англичанином с крутым загаром. Не видя его глаз, трудно было сказать наверняка.

Мужчина двинулся по моей подъездной дорожке, его телохранитель следовал за ним по пятам. Они даже не подъехали к дому. Интересно.

Я добралась до передней комнаты, сбросила мантию и повесила ее на боковой крючок. Чудовище издала медленный глубокий рык у моих ног. На всякий случай я взяла ее на руки.

Пара подошла к входной двери. Мужчина в возрасте поискал глазами звонок, но не нашел его и ограничился тем, что постучал в сетчатую дверь. Я позволила ему стучать несколько секунд и ответила.

— Добрый день! Чем могу помочь?

Пожилой мужчина снял темные очки. Его глаза были абсолютно черными и пронзительными, как два куска блестящего угля, вставленные в его лицо.

— Она здесь? — Его голос был глубоким и сильным, и он звучал как человек, привыкший отдавать приказы.

Я могла бы прикинуться тупицей, а могла бы и признать эту встречу. Прикидываться тупицей казалось бессмысленным, так как я должна была впустить его в назначенное время.

— Вы пришли слишком рано, мистер Питерсон, — ответила я ему.

Он посмотрел через мое плечо на переднюю комнату.

— Мне нужна комната.

— У нас нет свободных мест. В двух милях отсюда вниз по улице есть два отеля.

— Я буду платить вам тысячу долларов за ночь.

— Нет, не будете, у нас нет свободных мест.

— Десять тысяч за ночь.

— Мистер Питерсон, у этой встречи есть свои правила. Вы должны соблюдать их, иначе

она не произойдет.

Его брови сошлись вместе. Он мотнул головой в сторону своего телохранителя. Второй мужчина приблизился к двери. Они планировали проникнуть сюда силой. То ли они обсуждали это по дороге, то ли запугивание в чужих домах было для Рудольфа Питерсона обычным делом.

Я могла бы остановить их миллионом способов, большинство из которых выдали бы особую природу гостиницы двум людям. Я остановилась на самом простом.

Телохранитель ухватился за дверную ручку сетчатой двери и потянул ее на себя. Дверь оставалась закрытой. Я впавила ее в стену. Снаружи все выглядело нормально, но изнутри петли и очертания двери исчезли, растворившись в стене.

Телохранитель перестал тянуть и толкнул ее. Дверь оставалась закрытой.

Питерсон внимательно посмотрел на него. Телохранитель стиснул зубы, ухватился за дверную ручку, уперся ногой в стену и потянул. Он был на удивление силен, и пытался обрушить всю переднюю стену.

Телохранитель отпустил ее, резко развернулся и ударил каблуком в дверь. Она даже не вздрогнула.

Питерсон поморщился.

— Вырежи ее.

Телохранитель вытащил складной нож, привычным движением запястья раскрыл его и полоснул по сетке. Нож отскочил в сторону, разбрызгивая искры. Мои экранные сетки были сделаны из продвинутого металлического сплава. Он будет отражать продолжительный огонь из штурмового оружия в упор.

Телохранитель посмотрел на Питерсона.

Я погладила Чудовище.

Короткий вой полицейской сирены включился на две секунды и эхом разнесся по улице. За внедорожником притормозил черно-белый патрульный автомобиль. Офицер Мараис вышел из машины, демонстративно проверил номерной знак внедорожника и направился к моей парадной двери. Должно быть, Шон все-таки связался с ним.

Питерсон сурово посмотрел на Мараиса. Мараис оглянулся на него с тем бесстрастным выражением лица полицейского, которое заставляло чувствовать себя виноватым, даже если ты ничего не сделал, потому что этот взгляд говорил, что ты должен был что-то сделать, и теперь будут последствия.

Мараис закончил разглядывать Питерсона и решил вместо этого посмотреть на телохранителя. Его взгляд скользнул к ножу в руке телохранителя.

Телохранитель явно чувствовал себя неловко.

Мараис положил руку на табельное оружие.

— Бросьте нож.

Телохранитель отпустил нож, и тот упал на крыльцо.

— Я получил сообщение о вторжении по этому адресу. Мэм, не хотите ли вы, чтобы эти двое мужчин ушли?

— Хочу.

Мараис повернулся к Питерсону.

— Сэр, пожалуйста, покиньте территорию отеля.

Питерсон бросил на меня свирепый взгляд, его черные глаза были непроницаемы,

повернулся и пошел вниз по подъездной дорожке, не говоря ни слова. Телохранитель последовал за ним. Мараис подмигнул мне, снова напустил на себя полицейское выражение и последовал за Питерсоном и его телохранителем вниз по подъездной дорожке.

С одной стороны, знание того, что Шон беспокоится обо мне, а Мараис заботится достаточно, чтобы защитить меня, разливало тепло у меня внутри. С другой стороны, когда Шон вернется, мне придется пересмотреть политику хранителя в отношении разоблачения и поиска помощи извне. К тому же, у меня все было под контролем. Питерсон с его телохранителем ни в коем разе не вошли бы в нашу гостиницу, и самым трудным во всем этом испытании было убедиться, что Чудовище не покажет им свои настоящие зубы.

Не беря во внимание Мараиса, миссия выполнена. Питерсон не попал в гостиницу, и ничего необычного не произошло, что заставило бы его заподозрить, что «Гертруда Хант» была чем-то иным, кроме обычной гостиницы типа «кровать и завтрак». С удивительно прочной сетчатой дверью.

На улице телохранитель открыл переднюю пассажирскую дверь для Питерсона. Злой миллионер двинулся, чтобы влезть, повернул голову и замер.

К гостинице подошел очень крупный мужчина. На нем было длинное кожаное пальто и ковбойские сапоги, и при ходьбе он издавал странный металлический звон. Его длинные волосы падали на плечи идеально симметричными золотисто-белокурыми волнами, как будто он провел ошеломляющее количество времени со щипцами для завивки волос, а затем уничтожил половину озонового слоя планеты, фиксируя лаком. Его черты лица напомнили мне кого-то из Полинезии, маури или гавайца, но что-то определенно было не так с пропорциями.

И кем он может быть?

Телохранитель уставился на великана, слегка приоткрыв рот. Питерсон прищурился, словно целясь из пистолета. И он, и телохранитель были на пару дюймов выше шести футов, а этот человек возвышался над ними на целый фут или даже больше.

Я подняла экран и увеличила изображение его лица. Радужки у мужчины были блестящие, ярко-пурпурные, точь-в-точь цвета шпинельного кольца, которое Калденция задумывалась купить в прошлом году и отвергла как «слишком розовое».

Незнакомец затрепетал своими неестественно длинными светлыми ресницами и открыл рот.

Молчи, молчи, молчи...

— Приветствую вас, местный хранитель мира.

Я зарычала.

— Чем могу вам помочь, сэр? — спросил Мараис с тем же бесстрастным выражением лица.

— Могу я узнать, где находится ближайший постоянный двор?

Мараис и глазом не моргнул.

— Вон он, по той подъездной дорожке. — Он кивком указал на «Гертруду Хант».

— Я вам очень благодарен, — заявил незнакомец. — До свидания, констебль.

Он повернулся и забрякал по моей подъездной дорожке. Я увеличила изображение его ног. У его сапог были шпоры.

Кого я расстроила в своей прошлой жизни?

Мужчина поднял свои руки размером с лопату и сложил их вместе, коснувшись указательным и средним пальцами верхней части и большими пальцами нижней,

образуя между ними алмазное пространство. Медамот с гуманизатором. Как раз то, что нам было нужно.

Я подняла руки, переплетя пальцы и держа их прямо, прижав большие пальцы к ладоням, так что мои руки образовали крестик.

— Приветствую вас, хранительница.

— Добро пожаловать, почетный гость.

Он взялся за ручку двери, сетчатая дверь легко распахнулась, и он нырнул внутрь.

Закрывая дверь, я мельком взглянула на Питерсона. Он уставился на меня, выпятив челюсть и побледнев, как труп.

Я закрыла за собой дверь. Пять минут. Если бы только медамот появился на пять минут позже.

Я повернулась, взяла свою мантию и надела ее.

Медамот вытянулся. Его человеческое тело стало статичным, застывшим, как будто это было изображение, что поставили на паузу, разделенное на шестиугольники, которые стали белыми, а затем дождем осыпались вниз, когда проекция рухнула, оставив за собой массивное существо. Он был восьми футов ростом, с широкими плечами и мощными мускулистыми конечностями. Его кожа, темно-зеленая на спине и ярко-оранжевая спереди, выглядела толстой и грубой, как шкура какой-то доисторической акулы. Его ноги имели больше общего с ногами кенгуру, чем с человеческими, но руки были полностью гуманоидными, длинные, с большими ладонями, снабженными четырьмя ловкими пальцами, каждый из которых заканчивался когтем. Его голова принадлежала хищнику — длинные устрашающие челюсти, предназначенные для того, чтобы пронзать сопротивляющуюся добычу четырехдюймовыми клыками и удерживать ее неподвижно, пока она бьется, умирая. У него были большие собачьи уши, стоящие торчком, чувствительный нос на конце длинной морды, и большие янтарные глаза, посаженные спереди, как глаза земных хищников, чтобы замечать и отслеживать добычу.

Медамоты были прирожденными охотниками. Выслеживание, охота и убийство были для них инстинктивны, и их хищническое стремление включалось, как только они открывали глаза. Детеныш медамота, выпущенный на луг, убивал всех кроликов и мышей на нем, объедался, а потом плакал, потому что остальное мясо гнивало, и он опять был голодным. Ассамблея отнесла их к категории особо опасных. Были случаи, когда они пытались охотиться на других постояльцев, и некоторые более оживленные гостиницы, такие как «Каса Фелиз», неохотно принимали их, потому что за ними нужно было пристально следить.

У меня была гостиница, полная вкусных, пухлых ку-ко, и вот-вот должна была появиться сеньора дрифан.

Медамот был одет в просторное одеяние из неокрашенной растительной ткани, напоминающее полотно. Обычно они носили разнообразное оружие и металлические украшения, усыпанные драгоценными камнями. На шее у него висела узловатая веревка, украшенная простыми деревянными бусами. Точно такая же веревка обвивала его талию. На затылке у него красовалась красная татуировка, выделявшаяся на фоне зеленого и слегка светящаяся, так что солдаты позади него могли видеть его ранг во время сражения и знать, за кем идти.

— Так-то лучше, — сказал он.

Я развернула коридор с левой стороны передней комнаты и жестом пригласила его войти.

— Пожалуйста, входите, Генерал, который вонзает свои клыки в горло своего врага.

Он пренебрежительно пожал мне руку.

— Никакого звания, пожалуйста. Сегодня я просто Пилигрим.

Мы медленно прошли по коридору. Я на лету соорудила в ней арочные окна, и солнечный свет лился сквозь них, рисуя золотые узоры на деревянном полу.

— Что привело вас на Землю?

— Меня готовят на правительственную должность.

— Мои поздравления.

Он поморщился, обнажив кошмарные клыки.

— Хотя многие могут рассматривать ее как престижную должность, это просто еще один способ служить. Я служил и буду служить.

— Могу я узнать, что это за должность?

— Губернатор колонии. Это пограничная позиция. Зреет конфликт.

— Почему?

— Потому что колония находится в спорной системе. Другая планета занята.

— Кем?

— Сокрушительной Ордой.

Это многое объясняло.

— Орда существует для того, чтобы завоевывать новые территории.

Он снова оскалил зубы.

— Значит, мой предшественник узнал об этом. Наше поселение хорошо защищено, мы размножаемся быстрее, чем отрокары, и логистика на нашей стороне. Однако Орда не прислушивается к разуму. Мы же охотники. Мы научились приспосабливаться к границам нашей биосферы. Орда — это рой, который пожирает все и движется дальше.

Строго говоря, Орда не пожирала. По древнему обычаю, каждый отрокар, присоединившийся к Орде, имел право на ферму. Ферма, по представлению отрокара, означала участок земли около пятнадцати акров, достаточно большой, чтобы выращивать пищу и пасти лошадей. Чем выше ранг, тем больше ферма. Несмотря на современные удобства городов, почти все ветераны Орды претендовали на ферму в конце своей службы. Им нужны были земли.

— Чтобы стать достойным этой должности, — продолжал медамот, — нужно совершить паломничество с целью постижения глубокого понимания.

— Интересный обычай. Я могу перечислить нескольких земных политиков, нуждающихся в подобном паломничестве.

— Это действительно меняет вашу точку зрения.

— А какого понимания вы ищите?

Глаза генерала сузились.

— Я посещаю места великих битв, где небольшая группа защитников сражалась с превосходящими силами противника.

— Вы постигаете, как славно умереть, генерал?

Медамот издал низкий кашляющий звук, похожий на смех.

— Я изучаю, что пошло не так. Что привело к этой великой битве? Почему они не сдались? Почему более крупные силы не прибегли к дипломатии, чтобы предотвратить резню? Я побывал на Нексусе, Урдукоре, Дейсине, а теперь прибыл на Землю. Это последний этап моего паломничества.

Урдукор принадлежал Сокрушающей Орде, Дейсин был планетой Дома Крар, а Нексус был полем битвы, где отрокары и вампиры Священной Анократии убивали друг друга десятилетиями, пока не достигли мирного договора в «Гертруде Хант». Он не был в паломничестве по местам великих битв. Он пытался понять, как не умереть в одной из них.

Посещение этой гостиницы не было случайным делом. Он хотел узнать секрет заключения мира с Ордой.

— Я знаю, что мой вид не всегда желанный гость в земных гостиницах.

Теперь была моя очередь показать зубы.

— Ваш вид пытается съесть других гостей.

Генерал выглядел смущенным.

— Мое паломничество жизненно необходимо. Даю вам честное слово, что буду сдерживать свои охотничьи порывы. Я хочу попросить номер в вашей гостинице. Я понимаю, что День Постояльца требует, чтобы вы приняли мое присутствие, но я не хочу навязываться против вашей воли. Мне потребуется некоторая помощь в посещении последнего выбранного места, поэтому я смиренно прошу вашего согласия.

— И что вы хотите увидеть?

— Аламо.

Из всех последних мест великих битв на Земле он выбрал Аламо. Почему-то это были ни Масад, ни Сталинград, ни Фермопила или Широама. Это должен быть Аламо. Формально мы были ближайшей гостиницей, но он мог бы остановиться и в «Каса Фелиз». Он был здесь, потому что мы сделали невозможное, и он хотел знать, как мы это сделали.

— Для «Гертруды Хант» большая честь приветствовать вас в качестве гостя. Я должна предупредить вас, что мы ждем дрифана.

Его уши дернулись вверх.

— Я не предвижу никакого конфликта, — осторожно сказал он.

— Тогда позвольте мне показать вам ваши комнаты. И последнее, над вашей маскировкой нужно немного поработать.

— Над гуманизатором? Мне показалось, что я довольно хорошо его откалибровал. Я выбрал привлекательные мужские черты, популярный цвет волос и драгоценные глаза, которые, как говорят эксперты, люди ценят.

Он думал, что сделал себя очень красивым.

— Разве я не добился успеха?

— Не особенно.

— Я был слишком пугающим?

— Скорее смущающим.

Медамот снова закашлялся. Я свернула в коридор, превратив его в лестницу, и открыла огромную дверь в конце коридора. Впереди лежала круглая комната из светлого камня с изогнутыми диванами, на которых вдоль стен лежали мягкие голубые подушки. Комнату украшало оружие, выставленное на стенах между драгоценными копиями медамотовых гобеленов. На большом экране было множество земных каналов, показывающих предварительный просмотр специального выпуска «Нэшнл Джоиграфик» на Аляске. Рядом с балконом, с которого открывался вид на сад и на вечернее небо над головой, в полу ждал глубокий бассейн. Было уже почти время обеда.

— Вы голодны?

— Нет. Я проведу вечер, приспосабливаясь к изменению времени и отдыхая в созерцании. Пожалуйста, зовите меня Корос. Это имя я выбрал для своего путешествия.

— Пожалуйста, зовите меня Диной. Если вам что-нибудь понадобится, просто задайте вопрос гостинице или позовите меня по имени.

Я вышла и закрыла за собой дверь. У нас было время до полуночи. В каждом известном рассказе о посещении дрифенов, они всегда появлялись всего за пару минут до того, как часы пробьют двенадцать. Таким образом, у Орро оставалось примерно семь часов, чтобы приготовить большой бургер, и я не слышала, как он кричал: «огонь!» после чая с Калденией.

У меня было такое чувство, что случилось что-то ужасное.

Глава 5

Я села за кухонный стол лицом к Калдени. Между нами стояли два стакана воды и две тарелки. На первой тарелке лежал только что купленный Гранд бургер. Вторая содержала его точную копию. Он выглядел как оригинал — пухлая булочка с кунжутом, тонкая лепешка, листья салата, соленые огурцы, помидоры и расплавленный желтый сыр. Он пах как должно быть.

К настоящему моменту мы заказали в сумме уже тридцать Гранд бургеров, что вызвало бесконечное веселье со стороны девушки, доставлявшей нам заказ. Ред Дир был не так уж велик, поэтому мы трижды подряд заказывали одному и тому же доставщику один и тот же заказ по десять бургеров в каждом. Когда она сделала последнюю доставку, она спросила, снимает ли Пожиратель бургеров комнату или мы просто снимаем документальный фильм о фаст фуде.

Справа на кухне совершенно неподвижно стоял Орро, словно памятник кулинарной неудаче.

Мы с Калденией смотрели друг на друга, как два дуэлянта. Оба бургера были разрезаны пополам с хирургической точностью.

— Начнем? — поинтересовалась Калдения.

Я взяла свою половину Гранд бургера и откусила кусочек. На вкус он ничем не отличался от остальных четырех Гранд бургеров, которые я попробовала за последние четыре часа. Я сглотнула, отпила немного воды и взяла бургер Орро. Первый бургер, который он подарил нам несколькими часами ранее, был на вкус как рай. Второй был слишком жестким, третий — слишком мягким, четвертый — слишком соленым. Откусить еще кусочек было немного страшно.

Я вдохнула и откусила кусочек бургера.

Картон. Пропитанный мясным соком.

Калдения взяла салфетку и деликатно сплюнула в нее.

— Ты же знаешь, что я живу ради твоей стряпни, дорогой, но это была не лучшая твоя работа.

Орро шевельнулся. Когти махнули перед моим лицом, и обе тарелки исчезли, а их содержимое было выброшено в мусорное ведро. Орро прислонился к столешнице спиной, подняв лицо к небу и безвольно свесив руки по бокам.

— Я не могу этого сделать.

Поражение в его голосе было настолько абсолютным, что мне захотелось обнять его.

— Конечно, ты не можешь, — сказала Калдения. — Ты просто не в состоянии готовить плохую еду.

— Я должен быть в состоянии воспроизвести его. Это очень простое блюдо. У меня есть все необходимые ингредиенты. — Он казался таким опустошенным.

— Этот гамбургер не натуральный, — сказала я ему. — Большинство блюд эволюционируют естественным путем. В рагу есть мясо и корнеплоды, потому что скот забивают в начале зимы, а корнеплоды хорошо хранятся в погребе в холодные месяцы. Весенний салат называется так потому, что он готовится из листовой зелени и трав, доступных в начале весны. Гамбургер — это искусственная конструкция. Коровы забиваются зимой, помидоры вкуснее всего в конце лета, салат — весной, и это не считая еще одной коровы, необходимой для производства молока, используемого для приготовления сыра, котлетки и масла для булочки.

Орро уставился на меня.

— Это массовое производство, недорогое и предназначенное для быстрого и удобного питания, но все же содержащее достаточно калорий, чтобы утолять голод. — Я не могла сказать, улучшала ли я ситуацию. — Производители используют для этого особый кусок мяса, вероятно, самый дешевый из возможных, и они добавляют к нему что-то, что объясняет текстуру и мягкость булочки. Независимо от того, что я делаю с говяжьим фаршем, у него нет такой текстуры.

— Но у тебя нет моей подготовки и опыта. Я перепробовал все, — сказал Орро все еще ровным голосом. — Я добавил жир, добавил бульон, сделал эмульсию из мяса. Я пробовал кукурузный крахмал, масла и специи. Ради этого гамбургера, я совершил грех добавления глутамата натрия и диоксида силикона. Все это напрасно. Я — неудачник.

Он резко развернулся и вышел из кухни.

Я сделала глубокий вдох и медленно выпустила воздух.

— Мы должны позволить ему вариться в своем отчаянии, — сказала Калденция. — Иначе нам никогда больше не подадут приличной еды.

— Это немного жестоко, Ваша Милость.

— Носиться с этим тоже ничего хорошего.

Магия гостиницы коснулась меня, как будто кто-то бросил камень в спокойный пруд, и волны от него хлынули на меня. Кто-то пересек границу гостиницы.

Было уже больше девяти, а Шона все еще не было дома.

Я вызвала экран с северо-восточной стороны здания. Четыре человека в темных одеждах пробирались сквозь кустарник. Они были одеты в черные балаклавы, которые скрывали их головы и лица, за исключением узкой прорези для глаз, и несли автоматы.

Щелчком пальцев я развернула экран к Калдении.

— Ниндзя Рудольфа Питерсона.

Калденция потеряла руки.

— Не будет ли слишком самонадеянно просить об этом? Я ела эти ужасные гамбургеры.

— Вы же знаете нашу политику. «Гертруда Хант» не подает на обед живых существ.

Калденция закатила глаза.

Четверо «коммандос» пробрались сквозь кусты, старательно следя за тем, куда ступают их ноги. Первоначальный план состоял в том, чтобы притвориться нормальным заведением, но оружие подняло ставки.

Если бы Шон был дома, он выследил бы их, и посадил их головы на пику, а потом преподнес бы Питерсону, как шашлык.

Я постучала пальцами по столу. Ведущий ниндзя, мужчина, судя по росту и плечам, провалился в землю по колено.

Все замерли.

Незванные гости внимательно осмотрели кустарник, прислушиваясь к любому шороху. Когда ничего необычного не произошло, двое из них подошли ближе к своему лидеру и попытались вытащить его. Я позволила им освободить его, а затем опустила того, что был слева, до самых бедер.

Все снова замерли.

Им потребовалось три минуты, чтобы вытащить своего напарника. Они сгрудились в кучку и делали причудливые жесты руками, некоторые из которых включали в себя сильные указательные движения, сжатие кулаков и прочерчивание линий поперек горла. В конце концов они, должно быть, пришли к согласию, потому что отступили на несколько ярдов, развернулись веером и двинулись на север, стараясь обогнуть беспокойный участок земли.

Я дала им сделать десять шагов, а потом опустила того, что был справа, до колен.

Калдения выдавила из себя улыбку.

Они вытащили мою жертву и выстроились в единую линию, лидер занял позицию. Он достал из ножен большой нож, срубил молодое деревце и принялся ощупывать им землю. На твердость. Он поднял руку и пошевелил двумя пальцами, жестом приглашая команду вперед. Они снова двинулись гуськом, и каждый незванный гость шел по пятам предыдущего.

Я позволила им сделать пятнадцать шагов и погрузила последнего ниндзя в землю по пояс. Человек в маске отчаянно копал землю, а команда продолжала двигаться.

— Помогите, — прошипел ниндзя женским голосом.

Лидер резко обернулся. Балаклава скрывала его лицо, но тело излучало «какого черта» каждой клеточкой своего существа. Двое других нарушителей границы схватили свою увязшую подругу и попытались вытащить ее. Я держала ее крепко.

Они напряглись.

Один, два, три...

Незванная гостья с неожиданной силой вырвалась на свободу, и трое ниндзя рухнули на землю в кучу. Калдения усмехнулась.

Лидер поднял руки вверх.

Трое ниндзя вскарабкались на ноги. Женщина, которую я утопила, отряхнула штаны, указала на себя и ткнула большим пальцем вправо, указывая направление, откуда они пришли.

Лидер покачал головой и указал в сторону гостиницы.

Женщина-ниндзя покачала головой.

Лидер указал на себя, потом на ниндзя и снова на гостиницу.

Женщина-ниндзя показала ему палец, притворилась, что моет руки, и подняла их в воздух.

Я погрузила трех оставшихся ниндзя до самых подмышек.

Женщина кивнула, резко развернулась и зашагала обратно тем же путем, каким они пришли.

— Голос разума, — прокомментировала Калдения. — Она заслуживает шанса спрятаться еще на один день.

Я удивленно подняла брови.

— Милосердие, Ваша Милость?

— Натуральный отбор, — ответила Калденция.

В глубине гостиницы открылась дверь из Баха-чар. Шон.

Через тридцать секунд он вошел в кухню, обнял меня и поцеловал. Он вернулся обратно. Облегчение было настолько реальным, что я чуть не рухнула на свое место.

Шон улыбнулся мне и посмотрел на экран.

— Посетители?

— Сегодня днем к нам приходил Рудольф Питерсон.

— Сделай мне одолжение, держи их вот так.

Шон снял рубашку и вышел из кухни.

На экране три фигуры изо всех сил пытались освободиться. Выкапывать себя, когда вы находитесь в земле по самые подмышки, было трудно в обычных обстоятельствах, а я не собирался их отпускать.

Я почувствовала, как Шон неестественно быстро двигается по земле, и прошептала ему на ухо:

— Не убивай их.

Луна выскользнула из-за рваных серых облаков, заливая все вокруг серебристым светом. Кусты раздвинулись.

Трое барахтающихся людей застыли.

Из подлеска вынырнул вервольф, такой большой, что его голова была бы на уровне моей груди. Закутанный в темный мех, огромный, молчаливый, король волков опустил голову, его янтарные глаза горели отраженным огнем, когда она направился к трем незванным гостям.

Они не могли шелохнуться. Они даже не моргали и практически задержали дыхание, когда его лапы размером с ладонь очутились рядом с ними.

Шон обошел их кругом, вдыхая их запах. Он остановился перед предводителем, на виду у всех остальных.

Тянулось долгое мгновение.

Шон разинул пасть. В лунном свете его клыки сверкнули, как кинжалы. Он прикусил голову лидера.

Ниндзя слева закричал — хриплый крик чистого страха.

— О, дорогая, — сказала Калденция. — Мне кажется, он вывел из строя одного.

Шон стащил с него маску и сплюнул в сторону. Вожак изумленно уставился на него — светлокожий мужчина лет сорока с небольшим, с коротко остриженными каштановыми волосами и широко открытыми остекленевшими глазами.

Шон опустил свою голову и уставился на мужчину, его клыки были в дюйме от лица незванного гостя. Несколько мучительных секунд никто не шевелился. Затем Шон повернулся и растворился в темноте леса.

Я высвободила ниндзя из земли. Они вскочили на ноги и побежали обратно тем же путем, каким пришли.

***

Шон купил достаточно запасных частей и оружия, чтобы снарядить небольшую армию, настолько много, что он смог принести только небольшую часть своих покупок, которые он называл «действительно крутыми штуками».

— Сжижитель с тремя катушками?

Шон поднял шестифутовую пушку, напоминавшую какой-то нелепый игровой автомат. Два щупальца полосатого дерева соскользнули с потолка, обвились вокруг орудия и втянули его в себя. «Гертруда Хант» и он, казалось, не испытывали никаких затруднений в общении.

— А зачем тебе вообще понадобится превращать углеродные формы жизни в первобытный суп?

— Потому что так легче избавиться от останков.

— Почему же тогда не антиматериальный луч смерти? — Я только наполовину пошутила. Существовало несколько видов оружия, которые подходили бы под это описание.

Он подмигнул мне.

— Сжижитель был со скидкой.

Я потеряла лицо, пытаясь приспособиться к новому арсеналу. Над нами скрипела «Гертруда Хант», устанавливая пушку.

За последние четыре часа мне уже дважды приходилось разгребать «дискуссии» ку-ко. В данный момент сжижитель был слишком большим искушением.

— Остальное Уилмос доставит завтра. Как ты думаешь, у нас хватит огневой мощи, чтобы пережить одну ночь с дрифенами в доме?

— О, я даже не знаю, — я вложила в свой голос тонну сарказма. — Нам придется как-то справиться.

— Я же сказал, что я очень извиняюсь по поводу Мараиса.

— Я ценю то, что вы двое сговорились о моей безопасности, но гостиница и я держали все под контролем, и есть строгие правила, которые управляют тем, что мы можем и не можем делать. Мараис здесь не гость. Он и не работник. Он осведомленный аутсайдер. Это означает, что ответственность за его знание и за то, что он может с ним сделать, лежит на наших плечах. Ты уже нарушил правила, когда дал ему субатомный испаритель. Если Ассамблея узнает об этом, у нас будут проблемы.

Шон хмыкнул.

— Во-первых, Мараис крутой. Во-вторых, испаритель телепатически связан с ним и неотличим от обычной полицейской дубинки. Он безобиден, пока он сам не решит, что это не так. В-третьих, я все время слышу, что Ассамблее это не понравится, и если они узнают об этом, то возникнут проблемы. Что эта Ассамблея вообще сделала для тебя?

— Они дали мне волшебную гостиницу и доступ к сокровищнице галактических знаний.

— Они дали тебе гостиницу, которая была на волосок от смерти, и ты ухаживала за ней, пока они и пальцем не пошевелили, чтобы помочь.

Я вытянула руку. Медная мантия Шона упала с потолка прямо мне в руки. Я сунула ее ему в руки.

— До полуночи еще пятнадцать минут. Надень мантию и перестань жаловаться. Ты знал о сделке, когда подписывался.

— Ты говоришь, как мои сержанты по строевой подготовке.

Я показала ему язык, и мы спустились на кухню, пока он надевал мантию.

Задний двор был преображен. В воздухе висели разноцветные фонарики — лавандовые, розовые, зеленые и согревающе-счастливые желтые. Отрезы шелковистой ткани драпировали внешнюю стену гостиницы, изгибаясь в обе стороны, образуя навесы над крыльцом и частью лужайки. На лужайке цвели нежные цветы-фонарики — бирюзовые, розовые и пурпурные. Слева среди цветов сидела пара фонариков-павлинов размером с автомобиль. Справа пара фонариков-тигров охраняла своего детеныша. От крыльца к тому месту, где вчера появился дрифанский глашатай, тянулась дорожка, окаймленная фонариками-медузами, подвешенными на почти невидимых проводах. Их разноцветные бумажные щупальца покачивались на ветру.

Здесь были только я и Шон. Калденция наблюдала за происходящим из своих апартаментов, но я не думаю, что с ее стороны было бы разумно присутствовать здесь. Орро исчез в своих комнатах. Когда я сообщила ему, что дрифены приближаются, он не ответил.

Ночь была тихая. Холодный ветер шевелил мои волосы.

Шон сунул руку в рукав и вытащил цветок. Он был белый и оборчатый, с блестящими голубыми крапинками на лепестках и темно-синей сердцевинкой. Он протянул его мне.

Аааа. Он принес мне цветок.

Я взяла его и понюхала.

— Спасибо. Это очень мило.

В полночь мы вместе стояли на крыльце, и вокруг нас горели волшебные фонарики. Через несколько мгновений весь ад может вырваться на свободу, но пока это были только мы. Когда я состарюсь, я буду помнить этот момент, тот момент, когда Шон принес мне цветок из Баха-чар.

Дрифены прибыли.

Не было никакого всплеска энергии, никакого яркого света с неба, никаких открывающихся врат в ткани существования. Они просто появились на краю поля и направились к нам. Их было шестеро: Зедас — акераат, которого мы уже знали с предыдущего вечера. Маленькое существо, сопровождавшее его. Очень крупная женщина в серебряных доспехах, с почти белой кожей и такими же светлыми волосами, несущая алебарду на спине. Мужчина в черном, с темно-коричневой кожей и множеством блестящих темных волос, убранных назад, который был похож на кинжал — компактный, быстрый и, вероятно, смертельно опасный. Женщина с оливковым цветом кожи, лет сорока с небольшим, с волосами, закрученными в замысловатые узлы, которая чопорно шагала в зелено-белой мантии. А впереди всех шла женщина лет тридцати с небольшим, закутанная в старый плащ.

Я искала их магию. Женщина в плаще ощущалась почти инертно, но остальные были пропитаны силой. Я чувствовала, как они двигаются по территории гостиницы, плотные концентрированные узлы магии. «Гертруда Хант» заскрипела.

Не волнуйся. Я не позволю им причинить тебе боль.

Они приблизились к нам на расстояние пятнадцати футов и остановились.

— Приветствую вас, хранители, — сказала женщина в плаще. — Благодарю вас за то, что вы приняли мою просьбу и оказали нам свое гостеприимство.

Это и была сеньора? Я не знала, кого ожидала увидеть, но точно не ее. Она выглядела совершенно обычно. Лет тридцати — тридцати пяти, с темно-бронзовой кожей, симпатичная, атлетически сложенная, среднего роста. Единственное, что в ней было примечательного — это темные глаза, такие же почти черные, как у Рудольфа Питерсона, и темно-зеленые волосы. Даже здесь, в Ред Дире, штате Техас, я регулярно видела людей с зелеными волосами. Я могла бы пройти мимо нее в магазине и даже не оглянуться дважды.

Мой мозг все еще это переваривал, но рот уже двигался.

— Добро пожаловать, почетные гости. Позвольте мне показать вам ваши комнаты.

Дверь позади меня скользнула в сторону. Образовался коридор, ведущий прямо через кухню и другие комнаты, отделенный от них невидимыми стенами. Я не хотела никакого вмешательства.

Мы с сеньорой вошли внутрь, шагая бок о бок. За нами последовала ее свита. Шон шел сзади, и туннель закрылся за ним, как только он вошел.

— Вы сделали звонок? — спросила она. Она казалась не совсем усталой, но смилившейся, как человек, стоящий перед горой, на которую не хочет взбираться.

— Да. Я перечислила ему ваши условия. Он приехал сегодня утром.

— Он пытался силой проникнуть в вашу гостиницу?

— Дважды. Сначала он попытался подкупить меня.

Она взглянула на меня. В ее взгляде чувствовалась магнетическая властность. Я по-прежнему не ощущала никакой магии.

— Он не может войти, пока я здесь, — сказала сеньора. — Только в назначенное время. Я не желаю его видеть.

— Он не будет проблемой, — ответила я ей.

— Мой дядя — это само определение проблемы. Он очень настойчив.

Ах, вот как! Она определенно была американкой.

— Здесь я владею воздухом, которым мы дышим. Ваш дядя не войдет без моего разрешения.

— Я очень на это надеюсь, хранительница.

Я просчиталась насчет спальни. В ней чувствовалась усталость, какая-то горькая решимость. Она нуждалась в утешении, а когда мы искали утешения, мы отправлялись домой. Вот почему этот гамбургер. Ей не нужна была красивая спальня дрифана. Ей хотелось все, как дома.

Я протянула свою магию, вырезая новую комнату в спальне, которую сделала вчера. Теперь симметрия первоначальной спальни была нарушена. Я лихорадочно переставляла колонны.

— Что-то случилось, хранительница? — спросила сеньора.

— Нет. Вы голодны?

— Только не сегодня.

Мы подошли к массивным двойным дверям. Они распахнулись перед нами, и за ними сверкнул общий зал дворца дрифана. Хитрость создания успешных номеров заключалась не в том, чтобы дублировать первоначальную среду обитания гостя. Когда они путешествовали, им хотелось увидеть что-то новое. Если они доберутся до точной копии дворца, который покинули, то будут разочарованы. Вместо этого успешный хранитель брал элементы оригинала и использовал свое воображение, чтобы создать что-то новое, достаточно знакомое, чтобы постоялец чувствовал себя комфортно, но с достаточными отличиями, чтобы привнести некую свежесть.

Комната перед нами сохранила дрифанское величие. Пол был выложен мягким бежевым камнем с мраморными завитушками более бледного белого цвета с золотыми крапинками. Стены были цвета слоновой кости, камень выветрился, как будто дворцу было сотни лет. Два ряда колонн, соответствующие стенам, с верхушками, искусно украшенными полосами красного агата и зеленого малахита, поддерживали тридцатифутовый потолок с огромным куполообразным потолочным окном в центре.

Прямо передо мной стояла моя версия каменного трона, искусно вырезанная из

пурпурно-сердечной древесины, манящая мягкими зелеными подушками. Прямо за тронем на стене висел гобелен — идеальная копия вида с балкона дрифана, дополненная синей птицей. Я попросила «Гертруду Хант» соткать его из разноцветного синтетического шелка. По обе стороны гобеленовых двойных дверей располагался выход на балкон. Еще несколько дверей, а именно шесть, ответвлялись с обеих сторон зала, ведя в отдельные спальни.

Светящийся пурпур трона, зелень малахита и красный цвет агата эхом отдавались в комнате с аксессуарами, декоративными мечами, инопланетными вазами, мягкими стульями и боковыми столиками. Инопланетные цветы и земные кустарники цвели по углам из простых глиняных горшков, которые могли быть сделаны в начале времен. Это было единое пространство, все еще богато украшенное, все еще старое, но спокойное и умиротворяющее.

Зедас сделал шаг вперед и слегка поклонился сеньоре, стоящей справа.

— Вам подходит?

— Да. — Женщина решительно вошла в комнату.

— Ваша спальня ближе всего к трону с правой стороны, — уточнила я. — Меня зовут Дина. Если вам что-нибудь понадобится, позовите меня, и гостиница сообщит мне об этом.

Дрифены прошли в комнату мимо меня. Крупная женщина ухватила за двойные двери и захлопнула их.

Я была уже на полпути вниз по лестнице, когда услышала голос, шепчущий мне на ухо, вызванный магией гостиницы.

— Спасибо за комнату, Дина.

Глава 6

Утро первого Дня Постояльца началось с того, что были прерваны очередные дебаты ку-ко. Они собрались на ранний утренний ритуал, который перешел в оживленную дискуссию, которая затем предсказуемо переросла в драку. На этот раз девять бойцов нуждались в регенерационной камере. При той скорости, с которой они двигались, у нас будет смертельный исход еще до окончания праздника. Я потеряла только одного гостя в гостинице и дала себе слово больше никого не терять.

День только начался, и казалось, что все будет только хуже.

— Когда ты сказала мне, что у нас появился новый гость, ты забыла упомянуть, что он медамот. — Шон навис надо мной, когда я пила свою первую чашку чая.

В глубине кухни Орро двигался как темный призрак. Он не издал ни звука с тех пор, как вчера умчался прочь.

— Я держу его в отдельном крыле. Он совершает паломничество.

— Паломничество или покушение на убийство?

— Паломничество. Он слишком высокого ранга, чтобы быть убийцей. Он планирует занять пост колониального губернатора, и Сокрушающая Орда станет его новым соседом. Он знает, что мы заключили мир на Нексусе, и он спланировал все это паломничество вокруг нашей гостиницы. Он пытается понять, как заключить мир с отроками.

Шон скрестил руки на груди.

— На Нексусе под моим командованием находилось несколько медамотов. Они не заключают мир. Они убивают, охотятся и пишут плохие стихи.

Я не могла устоять. Ауул, планета, которую предки Шона взорвали вместо того, чтобы сдать своим врагам, была известна как планета воинов-поэтов.

— Значит, они всего лишь жалкая имитация оборотня?

— Они восьмифутовые, кровожадные и бешеные. Они гоняются за всем, что движется, и вонзают свои клыки во все, не думая.

Я покосилась на него.

— А какие плохие стихи они пишут?

Шон посмотрел на меня и продекламировал:

— Охота. Охота. Запах добычи. Свет луны. Кровь на клыке. Попробуй на вкус сердце горячее. Будет тебе восторг на языке.

Я захлопала в ладоши.

— Это было чудесно.

— Будет чудесно, когда он узнает о космических цыплятах. Там будет настоящая бойня. И знаешь что? Ассамблея не будет этому рада.

Я отхлебнул еще чая.

— С ку-ко все в порядке, — солгала я.

— У медамотов есть подавляющее стремление к добыче. Если она бежит, они гонятся за ней. — Шон поднял голову. — Покажи мне комнаты медамота.

Гостиница вывела экран. На нем Корос растянулся, держа позу в версии медамот-йоги. Его глаза были закрыты. Он стоял совершенно неподвижно, согнув правую ногу в колене, упершись ступней во внутреннюю сторону левого бедра и широко раскинув руки.

— Если что его зовут Корос, ну так, на всякий.

Шон покосился на татуировку на шее Короса.

— Ага, Корос, твою мать. Это Ратхарр, Потрошитель жил. Он возглавил наступление на Мрельносе, захватил столицу и сокрушил планетарное правительство, имея численное превосходство три к одному. Он — один из кровавых двенадцати медамотов, великих героев своего вида. Если он пилигрим, то и я...

— Хранитель?

— В точку.

— Его брат — наемник, что служил на Нексусе. — Я сделала глоток чая. — Забавно, что ты думаешь, будто я не знаю личности наших гостей и не умею пользоваться программами распознавания лиц.

— Вполне справедливо. Я не должен был предполагать, что ты не выполнила свою домашнюю работу по этому парню.

— Извинения принимаются.

— А ты видела, как они сражаются? Я имею в виду вблизи.

— Нет.

— Посади, пожалуйста, таракана вон на ту стену.

Я порылась в своем хранилище, вытащила таракана из аквариума с насекомыми и телепортировала его на стену. Корос стоял совершенно неподвижно, не открывая глаз. Даже уши у него не дергались.

Прошла секунда.

Таракан переместился на полмиллиметра.

Корос подпрыгнул на семь футов вверх, сорвал таракана со стены и раздавил его когтями

Шон указал на экран.

— Ты сделал то же самое две ночи назад, потому что заметил комара.

— Этот комар вполне мог бы считаться поддержкой с воздуха.

— Послушай, он здесь, чтобы увидеть Аламо. Мы обязаны уважать его желания во время пребывания в рамках Дня Постояльца. У него есть гуманизатор, и чем скорее мы его откалибруем и отвезем его в Сан-Антонио, тем быстрее он уедет.

Янтарь скользнул по радужкам глаз Шона. Волк в его глазах покинул темный лес и показал мне свои большие зубы.

— Не мы, а я собираюсь отвезти его в Сан-Антонио, а ты будешь держаться от него как можно дальше.

Я одарила его улыбкой.

— Это так мило с твоей стороны.

На экране Корос изучал раздавленного таракана, насаженного на коготь, и бросил его в мусорный бак.

Я поняла, что Орро перестал двигаться и теперь пристально смотрит на нас обоих.

— Да?

— Что такое гуманизатор? — спросил он.

— Это устройство, наводящее иллюзию, — сказала я ему. — Иногда у гостей есть дела на Земле, или им приходится путешествовать между гостиницами. Если их размеры не слишком отличаются от человеческих, то можно использовать устройство для их маскировки. Оно дорогое и редкое, и оно работает на некоторых видах, но не на всех, и никто не знает, почему.

Иглы Орро встали дыбом. Он отчаянно бросился к нам и сжал мои руки в своих.

— Я знаю, в чем проблема. Кулинария — это совместное искусство. Нельзя стать шеф-поваром в вакууме. Надо наблюдать и учиться у других мастеров, надо пробовать блюда, приготовленные не им самим. Я пренебрег этим краеугольным камнем моего искусства, сначала во время своего изгнания, а затем после приезда сюда. Смотрите!

Он резко обернулся и щелкнул пальцами. Экран телевизора на стене ожил, показывая веб-сайт с датами и временем. Заголовок на сайте гласил большими огненными буквами «Шоу Гарри Киса «Огонь и молния».

— Мастер будет сегодня снимать свое шоу в Сан-Антонио. Если бы я только мог смотреть, как он работает, я мог бы прорваться сквозь стены подземелья, сдерживающие меня. Я мог бы приспособиться и преодолеть все напасти.

О нет. Откуда он вообще об этом узнал?

— Гарри Кис, — ответил Шон на мой невысказанный вопрос. — Он начинал как армейский повар.

— Орро, — мягко сказала я. — Телешоу совсем не похоже на реальную жизнь. Это инсценировка. Я не думаю, что это будет похоже на встречу с ним на кухне. Боюсь, ты будешь разочарован.

Орро принял драматическую позу, указывая когтистым пальцем на экран.

— Я смотрел каждую минуту каждого шоу. Он ничем не может меня разочаровать.

Я закрыла лицо руками.

— Пожалуйста, — простонал Орро.

— А это вообще возможно? — спросил меня Шон.

— Возможно. Большинство гуманизаторов — это устройства с областью действия. Это потребует большой калибровки из-за разницы в видах. Это ужасная идея.

— Пожалуйста, маленький человек.

— Я могу поговорить с Коросом, — сказал Шон.

— Я не верю своим ушам. Ты предлагаешь взять медамота и квиллонца на экскурсию в переполненное людьми пространство. Как ты собираешься держать их в узде?

Шон повернулся к Орро.

— Как думаешь, сможешь контролировать себя?

Орро прижал ладонь к правой стороне груди, где лежало его многослойное сердце.

— Клянусь кровью моих предков.

Шон снова повернулся ко мне.

— Вот видишь! Он классный парень.

— А что будет с Орро, если Потрошитель жил слетит с катушек и его гуманизатор не сработает?

— Я буду нести гуманизатор, и если Корос выйдет из строя, я нейтрализую его, а Орро поможет мне донести его до машины. — Шон взглянул на Орро. — Разве не так, мой боевой друг?

Орро выпрямился во весь рост, все иглы встали торчком, когти расправлены для убийства.

— Я помогу тебе, боевой друг.

— Почему ты думаешь, что Корос вообще согласится на это?

Шон одарил меня волчьей улыбкой.

— Я могу быть очень убедительным.

Я поставила свой чай так резко, что моя чашка звякнула.

— Ты собираешься драться с ним. Ты хочешь избить гостя, чтобы утвердить свое господство, чтобы он уважал тебя, пока вы везете его в Аламо.

— Что? — Шон сделал вид, что шокирован.

— Делай все, что хочешь, Шон Эванс, но я говорю тебе сейчас, что если ты станешь причиной инцидента и оскорбишь гостя во время пребывания в гостинце, я буду злиться на тебя вечно.

Шон, казалось, задумался.

— Я смогу с этим жить. На самом деле вопрос заключается в том, что будет делать Ассамблея...

Я схватила кухонное полотенце и швырнула в него. Шон поймал его и рассмеялся.

До меня донесся чей-то голос, разнесшийся по всему трактиру.

— Дина, не могли бы вы принести мне чашку кофе со сливками и сделать это так, чтобы Зедас ничего не узнал?

— Конечно, — прошептала я в ответ. Я встала. — Сеньора просит кофе. Шон, пожалуйста, не испорти эту поездку. Я знаю, тебе надоело, что я часто припоминаю Ассамблею, но если два инопланетянина выскочат из ниоткуда посреди Аламо, они отберут у нас эту гостиницу.

— Я все понимаю. — Шон прижал меня к себе. — Доверься мне.

***

Я выскочила из пола в личной комнате дрифана, неся поднос с французским прессом, наполненным кофе, кружкой и бутылкой сладких сливок. Если сеньора и была встревожена моим внезапным появлением, то никак этого не показала.

Она сидела в мягком кресле лицом к окну от пола до потолка, из которого открывался вид на сад и деревья за ним. Она не обернулась и не обратила на меня внимания, так что я видела только ее затылок. Ее зеленые волосы были скручены в беспорядочный пучок. Я подошла к ней, поставила поднос на ближайший кофейный столик и нажала на рычажок французского пресса.

В комнате стояла тишина. Я ощущала себя в начале девяностых годов. Бежевый ковер от стены до стены, кровать с цветочным покрывалом, пастельные лавандовые стены, дубовая мебель, письменный стол и комод — все это было спроектировано с максимальной ностальгией. Если я все правильно рассчитала, она была подростком в девяностых годах.

Наши самые ностальгические воспоминания формируются о подростковом периоде. Вам могло бы показаться, что воспоминания о раннем детстве будут иметь наибольшее влияние, но нет. Для большинства людей подростковый возраст имел самое большое значение. Музыка, телешоу, книги и дружеские отношения, возникшие у нас в подростковом возрасте, повлияли на нас больше всего.

В подростковом возрасте происходит половое созревание и возникает новая потребность в свободе. Впервые в жизни мы делаем самостоятельный выбор, который идет вразрез с авторитетом наших родителей. Мы боремся за право слушать нашу музыку, носить нашу одежду, красить волосы, любить других людей и принимать решения, влияющие на наше будущее. И в первый раз мы испытываем реальные последствия, основанные на наших действиях, и узнаем, что родители, даже родители-хранители, не являются богами, и некоторые вещи нельзя исправить.

Когда я мысленно возвращаюсь в свое детство, детская версия меня кажется аморфным, нечетким воспоминанием. Подросток я — это уже больше похоже на меня, предварительный просмотр того, кем я стану, когда вырасту. У нее были определенные взгляды, она считала своих родителей глупыми, и она знала все обо всем, но она безошибочно была мной.

Я налила кофе в кружку и повернулась, чтобы уйти.

— Не хотите посидеть со мной? — спросила она. В ее голосе слышался легкий южный акцент, но я никак не могла его определить.

— Конечно. Я призвала второй стул, точно такой же, как и первый, придвинула к кофейному столику и села.

Дрифан была одета в простые штаны и простую тунику из мягкой бледно-зеленой ткани. Ее босые ноги были поджаты под себя. Она налила себе в кружку до смешного большое количество сливок, понюхала их и отхлебнула немного.

— Ммм.

— Разве Зедас не одобряет кофе? — спросила я.

— Зедас не одобряет очень многих вещей. Он утверждает, что кофе разрушает внутреннюю энергию.

— Это так?

— Нет. Зедас хочет, чтобы я забыла, каково это — быть человеком. Он не в курсе, что эта комната существует, и я планирую оставить все на своих местах.

Мои предположения были верны.

— А почему для вас так важно все забыть?

Она посмотрела в окно. Если бы мне пришлось выбрать только одно слово, чтобы описать ее, это было бы «скорбь». Глубокая, вселенская печаль окутывала ее, как саван. Она казалась измученной, словно богато украшенный меч, повидавший слишком много битв. Повторные удары стерли причудливые письмена на его лезвии, оставив его обнаженным и еще более смертоносным.

— Он думает, что если я забуду, то не буду испытывать искушения вернуться. Он хочет, чтобы я навсегда оставила Адиру Клайн.

— Вы можете вернуться?

— Это довольно сложный вопрос. — Адира отпила еще немного кофе. — Гора выбрала меня. Они даже не спрашивали. Двенадцать тысяч душ зависят от моего руководства. Уйди я, и все погрузится в хаос. И даже если бы я это сделала, моя жизнь здесь была прервана, когда я уехала. Прошло уже шесть лет. Не так уж и долго, но мне кажется, что это целая жизнь. Я не знаю, смогу ли я вернуться к себе прежней, в ее жизнь. Иногда я вспоминаю, как быть ей, но она похожа на старую куртку, которую я переросла. Она пахнет знакомо, с ней связаны хорошие воспоминания, но это слишком сдерживает.

— Мне жаль, — сказала я ей, и именно это чувствовала.

— Спасибо. Мне никогда не хотелось приключений. Наверное, я по натуре хоббит. Я была совершенно счастлива в своей мирской жизни и отмечала пункты из своего списка: поступление в школу, получение работы, покупка автомобиля, получение ипотеки...

Она замолчала.

— Вы скучаете по этому?

— Да. — Боль слегка обострила ее голос. Она спохватилась. — В любом случае, это спорный вопрос. Я пообещала Зедасу, что если он согласится на эту встречу, то я никогда больше не открою дверь на Землю. Это мое прощание.

— Простите меня, если я ошибаюсь, но разве Зедас не служит вам?

— Да. — Адира вздохнула. — Жизнь в моем мире очень коварна. Будущие сеньоры тренируются десятилетиями, учась выживать в имперской политике, открывая, как использовать магию, изучая стратегию и тактику. Есть девять способов приветствовать чиновника в зависимости от его ранга, и неправильный поклон или неправильное выражение могут означать разницу между мирной жизнью и уничтожением вашего дрихта.

Это не было похоже на веселое место.

— Когда я начинала, то ничего не знала. Не прошло и шести месяцев обучения, как император пригласил моего приемного отца ко двору. Это было не то приглашение, от которого можно было отказаться, и мое поведение в его отсутствие определило бы, жив он или умер. Зедас все это время держал меня за руку. Если бы не его руководство, Зеленая Гора была бы захвачена врасплох. Так что да, я могу игнорировать Зедаса, и если я отдам приказ, он подчинится, даже вопреки своему здравому смыслу.

— Но вы не хотите?

— Не хочу. Хуже, у меня нет выбора.

У меня не было времени для разговоров, особенно после того, как я подписала контракт на поездку Орро в Сан-Антонио.

— Зедас не ошибается, — тихо сказала она. — Я не могу жить в двух мирах одновременно. Вот почему я здесь. Избавляться от багажа мне больше не нужно.

Она замолчала. В каком-то смысле мы были полярными противоположностями. Она уехала в новое место, и оно навсегда изменило ее, так сильно, что она не могла вернуться домой. Я всегда старался сбежать из мира своего детства, но после того, как побегала по всей галактике, я вернулась, чтобы заняться тем же самым, что делали мои родители.

— Я размышляла о том, что такое милосердие, — сказала Адир. Вы милосердны, Дина?

Сегодня утром мне удалось выпить только одну чашку чая. Этого было недостаточно для философских дискуссий.

— Милосердие подразумевает силу и самопожертвование.

Адир подняла брови.

— Милосердие определяется как доброта или прощение, данное тому, кого в вашей власти покарать. Проявить милосердие — значит отказаться от возмездия, иногда ценой справедливости. У меня часто связаны руки. Безопасность моих гостей — это мой приоритет. Если я столкнусь с кем-то, кто попытается причинить вред тем, кто находится под моей опекой, я должна рассмотреть возможность того, что если я отпущу их, они могут снова попытаться причинить вред моим гостям. Я не могу этого допустить. Я не могу позволить себе пойти на такой риск.

— Разве вы проявили милосердие к людям моего дяди, когда они попытались вторгнуться в вашу гостиницу?

Я нахмурилась.

— Полагаю, это можно рассматривать как милосердие. Но в основном это было благоразумие. Любая внезапная смерть или исчезновение будет расследоваться. Гостиницы должны избегать внимания.

— Только если он заявит, что они пропали. Мой дядя ждал этой встречи с тех пор, как ему исполнилось девятнадцать лет, еще до моего рождения.

В этом не было никакого смысла.

— Как вы считаете, он прибегнет к насилию, когда вы встретитесь с ним?

Она снова улыбнулась.

— Насилие будет, но инициатором будет не он.

Дерьмо.

— Вы собираетесь убить своего дядю здесь, на моей территории?

— Я еще не решила. Мы говорили о милосердии. Если бы у вас был шанс проявить его, вы бы это сделали?

Ответ казался очень важным, но я не могла уловить почему.

— Это будет зависеть от человека. Достоин ли он милосердия? Если я его отпущу, это принесет вред или пользу? Возможно, это больше связано с его характером, чем с моим. Или с вашим.

Адир тихо рассмеялась.

— Неужели все действительно так просто? А что, если бы у вас был выбор: убить или пощадить?

— Убийство разумного существа обходится мне очень дорого. Даже если я полностью оправдана в этом, я чувствую вину и сожаление. Я стараюсь избегать этого, когда только могу. Но у меня есть свой долг, и если мои обязанности требуют, чтобы я устранила угрозу, я должна это сделать.

— Спасибо за компанию, — сказала Адир, ставя свою чашку на поднос. — Мне было очень приятно поговорить с вами.

По дороге на кухню я поняла, что Адир Клайн, которой не было равных, которая убивала своих врагов тысячами, укрывала своих друзей, которую боялись воины, уважали ученые, любил ее дрихт и признавал император, была глубоко несчастна. Она прилетела на Землю в последний раз, и это разбило ей сердце.

Она была моей гостьей, и я понятия не имела, как ей помочь.

Глава 7

Я сидела в кресле на заднем крыльце, пила чай со льдом и ела лимонные кексы, наблюдая, как Шон кружится вокруг Короса. Медамот атаковал со злобной быстротой, напрыгивая, чтобы нанести удар. Шон скользнул в сторону, как будто заранее знал, где приземлится Корос.

Ку-ко возобновили свои дебаты, и я не спускала с них глаз. Перспектива встречи с кумиром придала Орро сил, и он приготовил роскошный завтрак для всех, а затем сделал мне партию лимонных кексов. Я сразу поняла, что это взятка, но я была бы глупой, если бы отказалась от нее. Теперь Орро пересматривал свои любимые эпизоды «Огонь и молния». Калденция с головой ушла в дело о разводе Лоуренсов. Рудольф Питерсон разместил шпиона на другой стороне улицы в серебристом «Форде Фьюжн». Этот человек был здесь еще до восхода солнца, и около девяти я принесла ему кофе и один лимонных кекс Орро. Он казался ужасно смущенным.

Адир и ее люди оставались в своих комнатах. Она так хорошо скрывала свою магию, что я до сих пор не была уверена, что она у нее есть. Но ее народ был переполнен силой, плескающейся о грань моих чувств. Комнаты дрифенов были похожи на сосуд, наполненный светлячками. Обычно я предоставляла гостям уединение, но это был особый случай, и я спокойно наблюдала за ними.

Большую часть времени Зедас проводил за чаем и сложной игрой в шахматы с мужчиной в черном. Должно быть, они принесли доску с собой, потому что я никогда раньше ее не видела. Большая белая женщина попеременно то спала, то смотрела телевизор. Пожилая женщина потратила много времени на то, чтобы разложить одежду Адир и подштопать ее. Маленький зверек, которого звали Саро, провел большую часть утра, свернувшись калачиком и прикрыв мордочку хвостом, но за последние полчаса стал беспокойным. Он порылся в своих сумках, оглядел комнату и попытался выйти за дверь, но большая белая женщина сказала ему «нет».

На лужайке Корос подпрыгнул на шесть футов, чтобы нанести сокрушительный удар ногой в висок Шона. Если бы он приземлился, голова Шона была бы сорвана с его плеч. «Если бы» было самым подходящим словом. Шон отклонился в сторону, пропустил мимо себя свистящий удар, схватил Короса за ногу и бесцеремонно бросил его на землю. Медамот вскочил на ноги.

У меня не было такого боевого опыта, как у Шона, но даже я видела закономерность. Большинство или все удары Короса были рассчитаны на то, чтобы воспользоваться когтями и превосходящими размерами. Он почти никогда не бил кулаком, он сгребал и отбивал. Его удары были направлены на то, чтобы уложить свою жертву на землю. Если бы это получалось, он придавил бы ее своим весом и разорвал бы ей горло. Если бы саблезубые тигры эволюционировали, чтобы стоять на двух ногах, а затем развили разум, они сражались бы точно так же.

Шон был ниже почти на два фута, но он был быстр, силен и универсален. Он

переключался между движениями на лету, ударяя в одну секунду, хватая в следующую, и, несмотря на разницу в весе, медамот не мог его подловить.

Корос сделал ложный выпад в левый бок Шона, а затем нанес удар левой рукой. Шон сомкнул пальцы левой руки на левом запястье Короса и нырнул под вытянутую руку медамота, прижавшись спиной к боку противника. На секунду показалось, что Корос собирается обнять его сзади, но потом Шон согнул колени, быстро сделал что-то с ногами и оттолкнулся. Медамот пролетел над Шоном и приземлился на спину, на землю. Весь воздух вышел из него с довольно громким «ух!». Шон присел рядом с ним, положил два пальца на горло Короса и встал.

Я беззвучно захлопала в ладоши, не будучи в поле зрения Короса. Шон подбежал ко мне, наклонился и коснулся моих губ своими.

— Это почти никогда не срабатывает, — прошептал он мне на ухо. — Каждый белый пояс по дзюдо пробует этот прием.

Корос, наконец, втянул в легкие немного воздуха, закашлялся и сел.

Я предложила Шону глоток холодного чая из своего стакана. Он сделал большой глоток.

— Хороший бой, — сказал Корос, вставая. Он подошел и сел в огромное кресло, которое я для него сделала.

— Спасибо вам за спарринг.

— Мой младший братишка сражался на Нексусе. — Корос придал своему голосу обычное звучание. — Он рассказал мне легенду о своем командире. Его звали Туран Адин. От него пахло человеком, но он им не был. Он сражался как демон на поле боя, никогда не уставая, никогда не сдавая ни пяди земли, которую защищал. Он никогда не снимал доспехов, и никто не видел его лица, но если во время битвы ты попадешь в беду, и он увидит тебя, он вынесет тебя с поля боя. Затем однажды он ушел вместе с торговцами из клана Нуан, чтобы помочь положить конец бесконечной войне. Война прекратилась, но он так и не вернулся. Некоторые говорят, что он умер. Некоторые говорят, что он нашел любовь и завел семью. Некоторые говорят, что он спит в стазисе, ожидая, чтобы снова подняться, когда он будет нужен.

Мне потребовалась вся моя воля, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица.

— Это чертовски интересная история, — сказал Шон.

Корос кивнул.

— Надо спросить себя, что такое существо ценит больше всего? Какая черта его характера помогла ему добиться успеха?

— Контроль, наверное, — сказал Шон. — И отроки, и рыцари поддаются своим эмоциям. Они бешутся. Они теряют себя в битве. Они думают о своих павших и о своей чести, и они позволяют этому подпитывать их на поле боя и вне его. Это очень просто. Самое трудное — это сохранять контроль в центре хаоса. Но что я могу знать? Я всего лишь хранитель.

— Еще один раунд? — спросил Корос.

— Почему нет?

Они вернулись на лужайку.

Гостиница слегка дернулась. Я проверила комнаты дрифенов. Саро прокрался на балкон и пытался спуститься с него в сад. Он пытался найти какой-нибудь выступ на стене, но она была слишком ровной. Он повис на перилах. Наконец он прыгнул. Я поймала его в воздухе своей магией и позволила ему приземлиться в патио. Маленький зверек застыл в шоке. Он ожидал, что приземлится в саду, и понятия не имел, как оказался здесь.

Я направилась к нему. Увидев меня, Саро вздрогнул, и на его мохнатой мордочке появилось решительное выражение.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, уважаемый гость? — мягко спросила я.

Маленький зверек моргнул, глядя на меня так, словно ожидал, что я выпущу клыки и откушу ему голову.

Я ждала.

— Я потерял его, — прошептал он грустным тоненьким голоском.

— Что вы потеряли?

— Свой кошель. Сеньора сама сделала его для меня из ниток, и я потерял его. Я должен его найти. Только никому не говорите.

Я сосредоточилась. Магия дрифенов окрашивала их предметы, и поскольку «Гертруде Хант» это не нравилось, она пыталась создать защитный пузырь своей собственной силы вокруг всего дрифанского. Найти узел магии на лестнице у двери дрифана заняло меньше секунды.

Я раскрыла ладонь. Деревянный усик выскользнул из стены и вложил мне в руку маленький кошель. Он был сшит крючком из мягкой белой пряжи и перевязан кожаным шнурком.

Глаза Саро распахнулись так широко, что заняли половину его лица.

— Это он? — спросила я.

Он, молча, кивнул.

— Вот. — Я предложила кошель маленькому зверьку.

Он выхватил его из моих рук своими крошечными лапками, обнял и закружил по лужайке, распушив хвост.

— Я нашел его, — пропел он. — Я нашел его, я нашел.

— Хотите лимонный кекс? — спросила я. — Я никому не скажу.

***

Саро развязал кожаный шнурок и показал мне внутреннюю часть кошеля. Он засунул в рот половину кекса, и его щеки надулись, как у бурундука, который пытается съесть грецкий орех.

Я заглянула. Внутри находился маленький кусок дерева, испачканный какой-то коричневой гадостью. Совершенно обычный.

Саро прижал к себе кошель.

— Старый сеньор оказал моему клану большую услугу. Мне с юности пришлось служить ему в красном доме. Это большой дом на вершине горы.

Он поднял лапки так высоко, как только мог.

— Большой. Много зданий. Вокруг зданий — колючий забор. Он подчиняется только сеньору и открывается только тем, у кого есть домашний талисман. Управляющий дал мне талисман и обязанности ходить в лес, чтобы собирать травы и ягоды. В лесу жил курго.

Он понизил голос. Очевидно, что курго произвел впечатление, и не очень хорошее.

— Он приходил к дому, и никто его не прогонял, потому что он оказал услугу старому лорду. У него не было домашнего талисмана, но он подходил прямо к забору и говорил мне, что я вкусный и, что он меня съест.

Саро задрожал.

— И старый лорд это терпел?

— Старый лорд сильно скорбел. Он удалился в свои комнаты и больше не выходил. Я ведь совсем маленький. Жизнь тяжела для мелюзги. Никто не заботится. Никто меня не замечал. Я должен был ходить в лес, чтобы выполнять свои обязанности, и если бы курго нашел меня, мне пришлось бы убегать и прятаться. У сеньоры Адиры не было никакой власти, она была всего лишь поваром, и все плохо к ней относились, но она всегда позволяла мне прятаться на своей кухне. Курго стоял снаружи у забора, прямо у кухонной двери, и кричал ей, чтобы она отдала меня ему. Он обзывал ее и говорил, что убьет, когда она выйдет в лес.

— А где был Зедас, когда все это происходило?

— Зедас очень важен. Очень старый. Он ничего не замечает, если только это не важно для сеньора.

Мое мнение о Зедасе опустилось еще ниже.

— Однажды курго поймал меня, откусил мне палец и съел его. — Саро показал мне свою культу. — Он сказал, что я слишком вкусный, чтобы съесть все сразу. Я очень быстро побежал на кухню. Курго пытался преследовать меня, но колючая изгородь не давала ему пройти. Курго кричал и бил крыльями, когда сеньора Адира нашла меня в шкафу. А потом она взяла большую палку и велела колючему забору открыться и пропустить ее. У нее не было домашнего талисмана, но забор повиновался. Курго зашел на территорию, хотя ему было запрещено, и тогда она избила его палкой. И она била, била, и била его.

Саро замахал своими крошечными кулачками.

— И курго закричал, и воззвал к сеньору, и она ударила его снова, пока палка не сломалась. — Саро улыбнулся. — Она дала мне кусок сломанной палки, чтобы я больше не боялся. На нем все еще есть кровь курго. Иногда, когда мне становится по-настоящему страшно, я достаю его и нюхаю, и тогда я больше не боюсь.

Шон и Корос прервали свой матч-реванш и теперь смотрели на нас. Они оба казались немного встревоженными.

— А вы не хотите его понюхать? — предложил Саро.

— Спасибо, но нет.

Маленький зверек убрал свой кошелек и потянулся за другим кексиком.

— Саро, а вы знаете, почему Зедас не хочет, чтобы ваша сеньора посещала Землю?

— Сеньора — самая сильная на Горе. У нее много врагов. Очень, очень много. Зедас беспокоится, что если она спустится с горы, то враги могут причинить ей вред.

— Я никому не позволю причинить ей боль, — сказала я ему. — Эта гостиница — моя Гора. Я храню ее в безопасности.

Зал ку-ко взорвался.

***

Я наблюдала за дебатами, но разделение моего внимания на три части заставило меня немного замедлиться, поэтому, когда маленький розовый ку-ко вырвал серебряную капсулу газовой гранаты, я не отреагировала достаточно быстро. К тому времени, как мой мозг обработал визуальный сигнал, ку-ко уже сжал капсулу между ладонями. Из нее вырвался столб пурпурного дыма. Гостиница кричала в моей голове предупреждение о парализующем средстве. Я проделала дыру в комнате ку-ко, выпуская воздух на лужайку, и активировала звуковую атаку.

Страшный вой, похожий на визг слона и тигра в унисон, разнесся по комнате. Услышав

крик их самого страшного естественного хищника, у ку-ко в мозгу произошло короткое замыкание. Хищник был позади них, перед ними была залитая солнечным светом дыра, и поэтому они сделали то, что ку-ко делали лучше всего. Они повалили в нее.

Стайка ку-ко выскочила на лужайку, разбегаясь на бегу, визжа, направляясь прямо на Шона и Коросу. Глаза медамота сверкнули. Он сжал руки в единый кулак, опустил на одно колено и прижался лбом к пальцам, повторяя:

— Я не буду гнаться, я не буду гнаться, я не буду гнаться, Пожиратель, дай мне силы, я не буду гнаться.

Шон встал рядом с Коросом и положил руку на плечо Медамота. Я запечатала комнату, пропылесосила ее, снова наполнила воздухом и запустила наружные сети. Они вылетели из-под крыши, упали на ку-ко и сжались, собрав философов в три больших комка на траве. В один миг все было кончено.

Саро стащил еще один кекс.

— Все кончено, — сказал Шон Коросу.

Медамот выдохнул.

— Ваш брат — хороший солдат, — сказал Шон. — Давайте. Нам надо еще кое-где побывать. Мы можем поговорить по дороге.

Они покинули лужайку.

Я подошла к большим сетчатым шарам с ку-ко и уставилась на Первого филолога Тека своим пристальным взглядом хранителя. Он судорожно сглотнул.

— Мне совсем не смешно, — сказала я ему.

— Наши извинения.

— Вы гарантировали, что никто из ваших людей не принесет оружия.

Корень гостиницы вырвался из земли, удерживая преступника в воздухе. Тонкое щупальце обвилось вокруг его клюва, закрывая морду.

— Он молод, — выдохнул Тек. — Он не понимал последствий своих действий. Мы молим о пощаде.

Я повернулась лицом к потенциальному убийце.

— Зачем? Что же было так важно?

Щупальце отпустило достаточно, чтобы он мог говорить.

— Правда, — прошептал он. — Правда была скрыта от нас.

Я снова надела ему намордник и посмотрела на Тека.

— Одна молодая фракция использовала все отведенное им время, — объяснил Первый филолог. — Они не смогли закончить свой спор.

— И это оправдывает убийство всех подряд? Что является риторическим вопросом, на который ответ — нет.

— Он не продумал все до конца, — пропищал другой ку-ко.

— Он проглотил капсулу еще до того, как прибыл сюда. Это предумышленное убийство.

— Милосердия, — пронзительно закричал Тек.

— Вы не понимаете азарта пылких дебатов, — сказал ку-ко из другой клетки.

— Некоторые дебаты не стоят того, чтобы их вести.

Возмущенный хор воплей запротестовал.

— В дебатах всегда есть польза, — сказал Тек.

— Назовите хоть один спор, который не стоит того, чтобы его вести, — крикнул другой ку-ко.

— Что было раньше: курица или яйцо?

В ответ последовало ошеломленное молчание.

— Очевидно, курица была раньше, — раздался чей-то голос. — Кто-то же должен был отложить яйцо.

— Курица должна была из чего-то вылупиться, — возразил другой ку-ко.

Я усилила свой голос до низкого раската грома.

— Это не имеет значения. От обсуждения этого вопроса не будет никакой пользы. Никакой пользы обществу, никакого улучшения качества жизни или развития науки. Это бессмысленный вопрос. Никто из вас не ищет правды. Вам просто нравится спорить и ссориться.

Мои пленники возмущенно уставились на меня. Я совершила невозможное. Я объединила ку-ко.

Молодой ку-ко свисал с корня, выглядя печальным и жалким. Я могла бы отправить его с Земли на какую-нибудь ужасную планету. Я могла бы поместить его в одиночную камеру, что почти наверняка свело бы его с ума. В конечном счете половина ответственности за эту катастрофу легла на мои плечи. Мне следовало бы внимательнее рассмотреть их, когда они вошли, и отреагировать быстрее. Я не была дилетантом. Я знала репутацию ку-ко.

— Я пощажу его при одном условии. Все вы вернетесь в свои покои и обсудите вопрос по моему выбору.

Они что-то шептали друг другу.

— Я требую ответа прямо сейчас.

— Мы спасем молодого, — сказал Тек. — Задавайте свой вопрос.

— Если бы можно было решить, кто из ваших предков был первым основателем, выиграло бы от этого ваше общество в целом и как? Это очень своевременная дискуссия. Я требую ответа завтра к пяти часам вечера.

— Это достойный вопрос, — объявил Тек. — Мы будем спорить. Вы получите свой ответ.

***

Как и большинство техасцев, я измеряла расстояние в часах. До Сан-Антонио было примерно три часа езды. Шоу начиналось в два часа, а Шон уезжал в половине десятого. Его сопровождали два огромных боевых друга: один высокий, темноволосый и все еще похожий на полинезийца, но без вьющихся светлых локонов и розовых глаз, а другой такой же высокий и густобородый. Я предупредила их, что маленькие дети примут Орро за Хагрида, и Шон нашел это забавным.

День прошел с минимальными чрезвычайными ситуациями. Я заказала еще Гранд бургеров и предоставила их дрифенам. То, чего Орро не знает, ему не повредит. Как бы сильно я не хотела подорвать борьбу Орро, в конце концов, дело было не в Орро или его чувствах. Гость обратился с просьбой, и в моей власти было исполнить ее.

Ку-ко приступили к обсуждению, в котором потенциальный убийца участвовал зафиксированным в своей личной клешне. Я тщательно осмотрела их всех и не нашла никаких других посторонних предметов.

Приходил Уилмос и доставил огромное количество оружия. Я подумала было установить его, но решила подождать Шона.

Мы с Калденией пили чай и смотрели, как Том Лоуренс приближается к шпиону Питерсона. Том стучал в окно, пока мужчина не опустил его.

— Вы из отдела нравов? — требовательно спросил Том.

— Нет, — ответил шпион.

— Вы здесь наблюдаете за моей женой?

— Дружище, я понятия не имею, кто ваша жена.

Том покосился на шпиона.

— Я знаю, что вы можете отрицать, что вы полицейский, если работаете под прикрытием. Послушайте, если вы строите дело против моей жены, то она у меня на пленке. У меня есть все ее *посетители* на видео. И вы, возможно, захотите сказать своим приятелям из отдела наркотиков, что они, возможно, создают там метамфетамин. Секс и наркотики. Чем больше улики, тем лучше.

Шпион уставился на него.

— Я буду давать показания, я буду носить прослушку.

— Сэр, о чем, черт возьми, вы говорите?

— Я здесь борюсь за право опеки. Бросьте мне кость.

Офицер Мараис выбрал именно этот момент, чтобы остановиться позади шпиона на своем круизёре. Шпион нажал по газам, и Том принялся рассказывать Мараису свою печальную историю. Мараис слушал его около пяти минут и сообщил, что вопрос о том, кого его жена решила впустить в свой дом и как это повлияет на ее право на опеку, решается судом по семейным делам. Если он подозревал употребление наркотиков, то мог подать заявление через форму в онлайн. Том двинулся дальше, и через некоторое время Мараис тоже уехал.

В шесть вечера я подавала ужин, приготовленный Орро, и написала Шону, чтобы узнать, все ли с ним в порядке. Он ответил эсэмэской «Едем домой» и больше ничего.

Я пыталась читать, потом смотреть телевизор, потом прошлась взад-вперед по гостинице, и к тому времени, как его машина въехала на подъездную дорожку, я уже начала беспокоиться, что превратилась в тигра в клетке.

Я смотрела, как они втроем выходят из машины. У каждого еще оставалось нужное количество придатков. Они были в полном порядке. Конечно, они были в полном порядке! Я зря беспокоилась. Я встретила их, когда они вошли в гостиную. Лицо Шона излучало сдерживаемую ярость.

Ой-ой.

Шон направился в коридор. Иллюзия гуманизатора рухнула, и Орро унесся с пугающей скоростью. Корос похлопал Шона по плечу и пошел в свои комнаты. Шон рухнул в кресло.

— Ну, и как все прошло? — Мне даже было страшно спрашивать.

Шон шумно выпустил воздух.

— Неужели Корос устроил сцену в Аламо?

Шон покачал головой.

— Ты меня просто убиваешь. Что произошло? Что случилось?

Он протянул мне крошечную карту памяти. Я метнулась к ближайшей стене. Гостиница

проглотила ее, и на огромном экране появилась запись. Шон, Корос и Орро сидели в креслах. Судя по углу записи, камера висела высоко над ними сбоку. Шон, должно быть, запустил юнит наблюдения. Он был размером с грецкий орех и запрограммирован на то, чтобы прятаться, как муха на пресловутой стене.

Шоу началось. Я понятия не имела, как они вообще умудрились попасть туда в такой короткий срок.

На сцене Гарри Кис рубил овощи так, словно от этого зависела его жизнь, читая лекции о пользе органических продуктов и фиолетовой моркови. Шоу снималось рывками, что позволяло делать перерывы на рекламу. Время от времени какой-нибудь рабочий сцены останавливал Гарри, чтобы что-то ему сказать или поправить в кадре. Орро ерзал на стуле, наклонившись вперед, как зачарованный, делая руками рубящие движения. Зрелище Шона в окружении двух гигантских, несколько причудливых на вид людей было немного комичным.

Гарри Кис закончил тушить овощи, поставил утку в духовку, и был объявлен рекламный перерыв. Один из помощников промокнул Гарри лоб. Другой помощник вынул сырую утку из духовки и заменил ее прекрасно прожаренной птицей. Гарри махнул ему рукой. Ассистент достал приготовленную утку. Гарри критически осмотрел ее и сделал замечание. Ассистент достал бутылку соевого соуса и кисточку. Он стратегически обмазал птицу, затемнив кожу. Гарри еще раз осмотрел ее, поднял вверх два больших пальца, и она вернулась в духовку. Тем временем другой помощник заменил миску с овощами.

Орро устался на сцену. Гуманизатор делал все возможное, чтобы имитировать эмоции, но я не могла понять, что чувствовал Орро. Он был похож на оленя в свете фар.

Перерыв закончился, и запись возобновилась. Гарри устроил грандиозное шоу, вытащив утку из духовки.

— И вот мы здесь. Вы только посмотрите на это! Огонь и молния!

Рабочий сцены поднял карточку с надписью «Аплодисменты». Зрители в студии охали и восторженно хлопали.

Орро вскочил на ноги и проревел:

— Вы мошенник!

О, Боже мой.

Шон схватил его, пытаясь усадить на свое место, но Орро оттолкнул его.

— Вы никакой не шеф-повар! Эта домашняя птица — ложь!

Гарри резко обернулся в поисках оскорбителя, увидел разъяренного великана и начал пятиться назад.

— Да как вы смеете! — пробормотал Орро, тыча рукой-лопатой в сторону Гарри.

Охрана сошла в ряд и двинулась вперед.

— Вы не годитесь даже для того, чтобы готовить собачий корм, мерзкий притворщик! — взревел Орро.

Шон ударил ладонью по виску Орро, слишком высоко, чтобы причинить ему реальный вред, если бы Орро был человеком, но именно там, где должно быть левое ухо квиллонца. Орро обмяк. Корос взвалил его на плечо, словно Орро ничего не весил. Шон рванул вперед, а медамот последовал за ним. Шон и охранники столкнулись в конце ряда. Послышалась возня, ноги и руки взлетели, когда тела повалили на пол, и Шон с Коросом выбежали из студии, неся Орро, как мешок с картошкой. Камера пронеслась за ними, и запись закончилась.

Я потерла лицо руками.

— Они вызвали полицию?

— Нет, — ответил Шон. — Я был очень осторожен. Я столкнулся только с парочкой из них. Никто не пострадал.

За исключением Орро.

— Ты поговорил с ним?

— Мы пытались. Он не отвечает. На обратном пути он не проронил ни слова.

— Я собираюсь поговорить с ним.

Шон кивнул.

— Ты была права. Это была плохая идея.

— Ты сделал все, что мог. И... возможно, это к лучшему. Я все время говорю ему, чтобы он не доверял всему, что показывают по телевизору, а он никогда не слушает. Получил ли Корос, по крайней мере, то, что хотел?

Шон кивнул.

— Он хотел знать, как предотвратить войну с Сокрушающей Ордой.

— Что ты сказал ему?

Шон вздохнул.

— Правду. Они будут сражаться со своим врагом до победного конца, но они отдадут рубашку со своей спины своему другу. Единственный способ избежать войны с отроками — это заслужить их дружбу.

Я прошла по коридору мимо атриума, заставленного ценными травами Орро, к зеленой двери. Я постучала в дверь.

— Можно мне войти?

— Да, — ответил глухой голос.

Я открыла дверь и вошла в комнату. Номер Орро был сделан им самим. Он показал мне то, что хотел, и я воспроизвела это так точно, как только могла. Это была комната разумного существа, но она казалась уютной берлогой какого-то маленького зверька. В комнатах не было острых углов. Мягкие стены, словно из яичной скорлупы соединялись с полом и потолком кривым изгибом, как будто пространство было выдолблено из бревна или выкопано из лесной почвы. Дверные проемы были сводчатыми, а большое окно слегка деформированным — ни кругом, ни квадратом. Африканские фиалки в симпатичных горшочках жили на подоконнике. Мебель была большая, плюшевая и изогнутая. Большую часть одной стены занимал огромный телевизор, а вдоль другой тянулись книжные полки, заполненные книгами, свитками, планшетами и другими носителями информации на дюжине галактических языков.

Посреди всего этого Орро свернулся калачиком на голубом ковре, с опущенными иглами. Мне даже не видно было его головы.

Я села рядом с ним и похлопала его по спине.

— Он оказался мошенником, — прошептал Орро.

— Мне жаль.

— Он лгал.

— Возможно. Он, наверное, хороший повар, и его рецепты хороши. Но это же телешоу. Оно создано для развлечения. На то, чтобы зажарить эту утку, у него ушло бы не меньше двух с половиной часов.

— Он должен был это сделать. Вместо этого он выставил утку, которую не готовил, и попытался выдать ее за свою собственную. Он намазал ее соевым соусом.

— Мне очень жаль. Как ты думаешь, почему он это сделал?

Орро оборвал себя на полуслове.

— Так она будет выглядеть лучше.

— Именно. Это же телевизор. Он не может воспроизвести, как что-то пахнет или каково оно на вкус. Можно лишь только показать, как хорошо оно выглядит. Это должно быть интересно. Мало кто мог бы высидеть там и смотреть, как он жарит утку в течение двух часов.

— Я мог бы.

Он был убит горем, и я не знала, что делать.

— Ты же не для того туда ходил, чтобы развлекаться. Ты ходил туда за едой, потому что ты отличный повар, Орро.

— Ты хочешь, чтобы я собрал вещи? — тихо спросил он.

— А зачем тебе собирать вещи?

— Я нарушил свое слово. Я обесчестил своих боевых товарищей. Я устроил сцену.

Я крепко обняла его. Иглы ткнулись в меня.

— Нет, я не хочу, чтобы ты собирал вещи. Ты мой друг, Орро. Тебе здесь всегда рады. Это твой дом настолько, насколько ты захочешь.

Он шмыгнул носом.

— Кроме того, ты величайший шеф-повар. Все остальные гостиницы завидуют мне. Где еще я найду такого потрясающего шеф-повара?

Он снова шмыгнул носом.

— Я лучший повар, чем Гарри Киз.

— В этом нет никаких сомнений.

Глава 8

Рано утром следующего дня я постучала в окно Адиры. Она стояла спиной ко мне, читая длинный свиток, но этот звук не испугал ее. Она медленно повернулась, улыбнулась мне и сказала:

— Входите.

Я отодвинула стекло и вошла внутрь. Адира посмотрела на простую серую мантию в моих руках.

— Вы заняты? — спросила я.

— Особо нет.

— Вы когда-нибудь посещали Баха-чар?

Адира нахмурилась.

— Нет.

— Тогда я предлагаю вам пройтись по магазинам, а потом позавтракать в Баха-чаре.

Адира посмотрела на меня, потом на мантию, а потом снова на меня.

— А какие магазины есть в Баха-чар?

— На любой вкус.

Адира взяла мантию и крикнула:

— Имур, если Зедас спросит, я отдыхаю и не хочу, чтобы меня беспокоили.

— Да, моя сеньора, — ответил женский голос из основной спальни.

Адира натянула мантию и последовала за мной через окно. Мы скользнули на первый этаж, вошли внутрь, прошли по коридору и подошли к двери.

— А что там в сумке? — Адира кивнула на большую потрепанную сумку у меня на плече.

— Мне нужно выполнить одно поручение, чтобы помочь другу. Это не займет много времени.

— А в гостинице без вас все будет в порядке?

— Мой парень позаботится об этом. Он устанавливает дополнительное оружие для вашей встречи.

Адира улыбнулась, как будто я сказала что-то забавное.

Дверь распахнулась, и в коридор хлынул солнечный свет.

— Что это такое? — спросила Адира.

— Пойдемте со мной и все выясним.

Мы шли под пурпурным небом, по залитым солнцем улицам Баха-чар, а над нами медленно поднималась разбитая планета. Мы глазели на странных существ, ныряли в маленькие магазинчики и торговались с лавочниками. Я отвела ее в оптоволоконный ряд, где продавались всякие нитки, ткани и пряжа. Она вошла в магазин размером с «Уолл-Март», заполненный мотками пряжи всех цветов, и не выходила оттуда в течение двух часов. Она купила пряжу, вернее, я купила ее для нее, но она обещала возместить мне расходы. Я купила короткий меч для Шона в маленьком ларьке через несколько улиц отсюда. Он казался очень старым, сделанным из странного темно-синего металла, но острым как бритва.

Потом, уставшие, мы сидели в маленьком кафе, охраняя ногами большой мешок с пряжей и мой меч, а официантка с четырьмя руками приносила нам высокие стаканы, наполненные зеленой жидкостью и пузырьками. Пузырьки вырывались на свободу и лопались с громким хлопком, разнося аромат хурмы.

Где-то между первым лотком с пряжей и покупкой меча Адира превратилась в человека. Она улыбалась и говорила, и ее глаза светились жизнью.

— Что заставило вас пригласить меня? — спросила она, потягивая напиток.

— Вы казались грустной.

— Мне было грустно.

— Вы можете открыть портал в Баха-чар из своей системы, — сказала я ей. — До Баха-чар гораздо легче добраться, чем до Земли, и я знаю, что другие дрихтены посещают его для торговли. Вы можете приходить сюда, когда захотите. — Я сунула руку в сумку и вытащила маленький деревянный амулет-ветку полосатого дерева, сплетенную в круг. Я протянула его ей. — Проход для «Гертруды Хант» находится в переулке у саурианского купца. Он продает подводные фонари. Это единственный магазин такого рода в Баха-чар. Если вы пройдете по аллее до конца с этим амулетом в руке, «Гертруда Хант» даст мне знать. Вы можете посещать нас, когда пожелаете.

— Это кратчайший путь?

— Да. — Я улыбнулась ей. — Вы обещали Зедасу, что не откроете портал на Землю. Вы не давали никаких обещаний по поводу Баха-чар. Он акераат. Он оценит вашу сообразительность.

— Спасибо. — Адир сунула амулет в свою мантию. Ее лицо стало серьезным. — Сегодня вечером приезжает мой дядя.

— Мы будем готовы. Я позабочусь, чтобы у вас было уединение.

Выражение лица Адир стало еще резче.

— Мне не нужно уединение.

— Не нужно? Я думала, что это семейное дело, и к тому же довольно неловкое.

— Я хочу встретиться с ним на улице. Я хочу, чтобы все это видели, чтобы каждое слово было засвидетельствовано. Я буду делать заявление.

— Очень хорошо. — Я планировала создать специальную комнату, но могла бы перенести ее наружу, на задний двор гостиницы.

— Когда придет время, — продолжила Адир, — я не хочу, чтобы вы беспокоились о моей безопасности. Вместо этого сосредоточьтесь на защите гостиницы и других гостей.

— Вы не хотите, чтобы я вмешивалась.

— Это было бы нечестно по отношению к вам. Я сожалею, что втянула вас в это дело. Я надеюсь, что вашей силы будет достаточно, чтобы сдержать грядущее.

— И это вовсе не звучит зловеще, вообще. — Я отхлебнула из своего стакана.

— Дина, не может же все быть солнечным светом, походами по магазинам и игристыми напитками.

— Но разве не было бы хорошо, если бы это было так?

Мы вышли из кафе и пошли по извилистой улочке к большому ресторану. За дверью тянулась вереница существ. Я подошла к существу у двери, большому мускулистому зверю со свирепой мордой и клыками размером с пальцы.

— У меня есть посылка для шеф-повара Адри.

Зверь свирепо уставился на меня.

— Шеф-повар Адри здесь не готовит.

— Я и не говорила, чтобы он это делал.

Я открыла свою сумку и достала оттуда прозрачный пластиковый контейнер. Внутри контейнера, закрепленного крошечными зубцами, находился лимонный кекс. Рядом с кексом лежал сложенный листок бумаги. Я передала его зверю у двери, и мы ушли.

— Мне было очень весело, — сказала Адир, когда мы добрались до переулочка. — Могу ли я что-нибудь сделать для вас взамен?

— В этом нет необходимости, — сказала я ей. — Я сделала это не ради одолжения. Я сделала это, потому что это сделало счастливой меня.

***

Рудольф Питерсон приехал в половине пятого. Он вышел из машины в сопровождении двух телохранителей в костюмах и попытался пройти по подъездной дорожке. Он успел сделать два шага вперед, прежде чем я отравила воздух. После того как все трое

закончили кашлять, они вернулись к машине и стали ждать.

Я посетила ку-ко, сообщив им, что дебаты должны прекратиться до конца встречи Адиры, передала просьбу Адиры и подкупила их дополнительным часом, чтобы они могли закончить свои споры, и гигантским экраном телевизора, чтобы они могли наблюдать за встречами. Я создала галерею у задней стены гостиницы, бронированную комнату, защищенную тремя футами прозрачного кристалла, и пригласила туда Калдению, Орро и Короса. Когда я вышла, Калденция и Корос болтали, как старые друзья, и хвалили Орро за то, что он приготовил закуски.

Шон ушел в военный зал. Мой первоначальный план состоял в том, чтобы присоединиться к нему там, но Адира попросила меня посидеть с ней. У меня возникло нелепое ощущение, что сейчас начнется дуэль, и я буду ее секундантом.

Я вытащила из кладовки стол и три стула и поставила их в сотне футов от кухонной двери. «Гертруда Хант» пустила корни, заявляя права на землю, которую я купила, и моя власть простиралась на три акра прямо за гостиницей. Я надеялась, что этого будет достаточно.

В четыре пятьдесят зазвонил мой сотовый. Мистер Родригес, отец Тони. Я ответила.

— Я позвонил, чтобы пожелать тебе удачи, — сказал он мне.

— Откуда вы узнали?

— Она транслирует.

Что?

— Как?

— Я не знаю. Но это идет на главном экране во всех гостиницах.

Я прорычала.

— Делай все, что в твоих силах, — сказал мистер Родригес.

— Вы кое-что не знаете. — Нервное сомнение, которое скручивалось у меня внутри, вырвалось на свободу. — С тех пор как я вернулась после смерти семени, между мной и гостиницей появилось некое расстояние. Это похоже на то, что гостиница сдерживается.

— Дина, у тебя нет времени. Послушай меня, я не знаю, что ты чувствуешь, но гостиницы похожи на собак. Они отдают себя полностью. Они не умеют сдерживаться. Ты прекрасно справишься. Я тебе полностью доверяю.

Он повесил трубку.

И он был прав. Гостиницы не знали, как сдержаться.

Это была я.

Дрифены уже спускались по лестнице. У меня оставалось всего три минуты свободного времени.

Я закрыла глаза и открыла свою душу. Сомнения, вина, страх — все это я отпустила, и магия «Гертруды Хант» хлынула в меня, чистая и сильная. Прошлые уже свершились, будущее было сейчас. Я была хранителем, это была моя гостиница, и все и вся в ней находилось под моей опекой.

Я открыла глаза, свернула пространство и позволила дрифенам выйти на лужайку во внутреннем дворе.

Пятеро слуг заняли свои места на заднем крыльце. Адира в одиночестве подошла к столу и села. Она все еще была одета в свой старый плащ. Все еще ничем не примечательная.

Я подошла к входной двери, открыла ее и вышла наружу в своей мантии. Рудольф Питерсон увидел меня и рванул по подъездной дорожке. Он был уже на полпути к двери,

когда понял, что его телохранители не успевают за ним. Он оглянулся через плечо на двух мужчин, внезапно столкнувшихся со стеной кипящего горячего воздуха.

— Только вы, — сказала я ему.

Он махнул им рукой, и они вернулись в машину.

Я провела его через заднюю дверь, через калитку в заборе, к столу. Он сел напротив Адиры. Я села на стул между ними.

На столе стоял кувшин с холодным чаем и три стакана. Адира сделала глоток. Ее дядя схватил кувшин и налил себе чаю.

Меня пронзило электрическое напряжение, но это была не настоящая нервозность, а предвкушение. Что-то должно было случиться.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал Рудольф. — Ты очень похожа на свою мать.

Адира отпила еще немного чая.

— Я пытался ей помочь. Я действительно хотел, но ты же знаешь, какой она была.

— Мама умерла пять лет назад. Она очень долго страдала. Я была там, когда она звала тебя на помощь, а ты ответил «нет».

Руки Рудольфа сжались в кулаки.

— Я попросил ее о простой вещи. Только одну вещь, единственное одолжение, о котором я когда-либо просил. Я бы отдал ей за это все.

— Ты позвал меня сюда, чтобы облегчить свою вину? — спросила Адира. — Я могу сделать не больше, чем мама, чтобы исполнить твое желание.

Рудольф хлопнул ладонью по столу и оскалил зубы.

— Она не хотела этого делать. Она была эгоисткой всю свою жизнь.

Адира ждала с безмятежным выражением лица. Часть гнева исчезла из глаз Рудольфа.

— Когда вам с мамой было по шестнадцать лет, вы отправились в поход и где-то на той горной тропе покинули Землю и вошли в Чатун. Он открылся вам, потому что распознал дремлющую в вас силу. Дядя, ты был создан для великих дел, но ты растратил дар, предложенный Чатун. Ты строил козни и интриги, пытаешься подняться в имперских рядах, основываясь не на учености, военном искусстве или культивировании своей внутренней силы, а на хитрости и обмане. Ты лгал, вводил в заблуждение и предавал.

— Я был в невыгодном положении. У меня не было ни семьи, ни связей, ни поддержки. Мы пришли в этот мир, не имея ничего, кроме одежды на наших спинах и двух рюкзаков. Я пытался построить безопасное будущее для себя и для твоей матери. — Рудольф постучал пальцем по столу. — Дело осталось незаконченным. У меня были только крохи магии твоей матери. Она получила львиную долю, и мне пришлось довольствоваться объедками с ее стола.

— Мама тоже потерпела неудачу, — сказала Адира. — Гора потянулась к ней, пытаясь установить связь. Мама понимала, что от нее требуется. Гора нуждалась в защитнике, и вместо того, чтобы ответить на этот призыв, мама отвергла его. Она беззаботно порхала по миру, как бабочка. Ты хотел положения и власти, а она — внимания и восхищения... Нет, обожания — это более подходящее слово. Она играла с эмоциями людей, как с шариками, и когда поняла, что ее ждут последствия, то сбежала из мира, который принял ее.

— Вот именно! — Рудольф наклонился вперед. — Я так рад, что ты понимаешь. Она предпочла уйти. Она сама решила вернуться сюда. Но меня выдворили, когда она ушла. Я не могу вернуться. Я требовал, чтобы твоя мать открыла мне дверь.

— А почему, как ты думаешь? — спросила Адира.

— А какое это имеет значение? Я десять лет работал, чтобы что-то построить. Я был советником. У меня была власть, у меня было богатство, а она, эта глупая сука, отняла у меня все это. Я умолял ее вернуться. Умолял. Мне пришлось начать все сначала, и на смертном одре, измученная раком, она все еще отказывалась. Она утверждала, что пыталась войти, но не смогла. А потом она исчезла, и я понял, что она солгала. Она вернулась в Чатун и взяла тебя вместо меня.

— Это важно, потому что ты все еще не понимаешь. — Адир поставила свой стакан на стол. — Мама никогда не лгала. Она действительно не могла вернуться в Чатун, с тобой или без тебя. Каждый из вас сам по себе был недостаточно хорош. Вы двое должны были работать вместе, но потерпели неудачу, и Чатун больше не хотел ни тебя, ни ее. Мама должна была что-то предложить, чтобы купить себе проход. Она предложила меня. Ради того, чтобы заполучить меня, Чатун разрешил ей сопровождать меня. Мама не сказала мне, что сделала. Она не заботилась ни обо мне, ни о моей жизни. Она думала, что Чатун вылечит ее, но он позволил ей сгнить, и я заботилась о ней, эгоистичной, до самого конца, пока она не умерла. Ты понял дядя? Ты не представляешь никакой ценности для Чатуна. Он не хочет тебя видеть.

Рудольф отшатнулся.

— Ты говоришь об этой проклятой планете так, будто у нее есть душа.

Адира рассмеялась. Это прозвучало горько.

На лице Рудольфа появилось серьезное выражение. Он, вероятно, и понятия не имел, насколько фальшиво это выглядит.

— Ты права. Твоя мать была эгоисткой до самого конца. Но ты не такая. Сеньор Зеленой Горы удочерил тебя, сделав своей дочерью. Он поделился с тобой своей силой. Возьми меня с собой обратно.

Она снова улыбнулась.

— Зачем?

Рудольф снова наклонился вперед.

— Ты же моя племянница. Я единственная семья, которая у тебя осталась. Я был могущественным человеком, пока Чатун не выплюнул меня. Возьми меня с собой, и я помогу тебе подняться. Я буду заботиться о тебе.

— Дядя, ты здесь тоже очень влиятельный человек. У тебя есть все, что только можно пожелать. Оставайся здесь.

— Адир.

— Нет.

Последнее «нет» упало между ними, как кирпич. Молчание, угнетающе, затягивалось.

— Все это не имеет значения. — Рудольф снова оскалил зубы, и лицо его исказилось почти гримасой. — У тебя есть магия, поэтому ты не знаешь, каково это — потерять ее. Ты могла бы разделить этот мир со мной, но не станешь этого делать. Это не имеет значения. Я уже разобрался со всем. Я доберусь до Чатуна без тебя.

Дальний конец лужайки замерцал, словно горячий воздух вырвался из травы. Реальность перестала существовать, словно кто-то прорезал наш мир ножом, и за ним простиралась огромная зеленая долина. На траву вышел воин. Он был высок и облачен в черные доспехи с золотым рельефом. Его лицо было нечеловечески красивым, длинные белые волосы были заплетены в косички, собранные в конский хвост. Он нес меч длиной в пять футов, на котором были выгравированы странные символы.

Это было похоже на сцену из фильма. Великолепную и шокирующую.

Взрывная волна магии воина пронеслась по лужайке, подняв каждую травинку вверх, и встретилась с моей силой. Я проглотила ее и разогнала. Так много волшебства...

— Сеньор Ястреб из секты «Оникс». — Адира поставила свой стакан на стол. — Ты продал меня, дядя. Ты послал это сообщение, чтобы заманить меня с Горы сюда, где я буду уязвима.

— Ты не оставила мне выбора, — выплюнул он.

Позади воина материализовались другие воины в доспехах, словно тени, попавшие в фокус. Так много солдат...

— Ты ошибаешься. Выбор есть всегда. Просто он тебе не понравился. — Адира улыбнулась. — Когда я получила твоё сообщение, я спросила себя, как человек может послать письмо на Чатун. Я спросила себя, чего же ты можешь хотеть. Ответ был очевиден.

Рудольф побледнел.

— Ты знала.

— Конечно. Ястреб явился к тебе и пообещал проход в Чатун за предательство. То, что сейчас произойдет, не касается тебя. Речь идет о том, чтобы я сделала заявление всем тем, кто считает, что мне нужна Гора, чтобы защитить то, что принадлежит мне. — Адира встала. — Не спускайте глаз с моего дяди, хранительница. Не позволяйте ему причинить какой-либо вред.

В моем ухе раздался голос Шона:

— Готов.

Я создала вакуумное поле. Самый высокий барьер, доступный хранителю, поле пустоты, что останавливало органические и неорганические снаряды и передачу энергии. У меня было целых три акра земли, воин с его армией, гостиница и портал. Пустое поле не пропускало ни одного звука. Теперь оставалось только поддерживать его.

Мы заранее обсудили нашу стратегию. Мы с Шоном будем вместе защищать гостиницу.

Адира встала перед столом.

Ястреб сердито посмотрел на нее с другого конца лужайки. Его голос был подобен грому.

— Подчинись.

Адира вздернула подбородок, ее голос был небрежным и легким.

— Не сегодня.

Она подняла руки с растопыренными пальцами, словно собираясь поймать баскетбольный мяч, и раздвинула их, извлекая невидимые ножи. В ее правой руке появился меч — тонкий, обоюдоострый клинок длиной в добрых четыре фута. Из его щитка торчали серебряные клыки, а наверху было похоже на рычащую самку льва.

Лицо Ястреба дернулось.

— Это не тот меч, который ты ожидал увидеть? — спросила Адира. — Мне не нужно Сердце Горы для тебя. Подойдет и Львиный Клык.

Черный клинок воина вспыхнул синим огнем. Магия вырвалась из него, окутав плотной броней силы. Его солдаты бросились в атаку, проносясь мимо него двумя темными потоками.

Внутренняя сила Адиры взорвалась. Магия ударила меня, сметая мою защиту в сторону. Я не могла дышать, не могла двигаться, и на секунду мне показалось, что я умерла. Ее плащ порвался и упал, разорванный в клочья. Она была одета в зеленую броню, которая лънула к ней, как вторая кожа. Красный, голодный огонь омыл ее клинок.

Рудольф начал подниматься.

— Двинетесь и умрете, — сказала я ему ровным голосом.

Он опять сел.

Адира *пошевелилась*.

Я видела, как сражаются невероятные фехтовальщики. Во время мирного саммита Арбитр привел в мою гостиницу гениальную фехтовальщицу. Ее звали Софи, и она убивала с такой красотой и точностью, что это превращало ее в искусство. Для нее связь, которую она чувствовала со своим противником как раз перед тем, как жизнь становилась смертью, значила все.

Для Адиры это ничего не значило. Это было не искусство, а грубая стихийная сила.

Солдаты бросились на нее, каждый из них был единым ураганом магии. Она взмахнула мечом, и они умерли, разорванные на части ее магией, как бумажные тигры, сожженные дотла. Магия молотила по пустотному полю, брызгая на него. Я стиснула зубы. Весь шквал дражири в их сильнейшем состоянии не имел и трети этого удара.

Один из солдат обогнул Адиру и бросился на меня. Кел-винтовка Шона со звоном выстрелила, и солдат рухнул на землю.

Все больше и больше солдат появлялось вокруг Адиры, пытаясь окружить ее. Она убивала их, не замечая, не обращая внимания на их атаки, намереваясь только подойти к их командиру. Их было так много, что они мешали друг другу, как муравьи, перелезающие друг через друга, чтобы укусить кузнечика. Те, кто находился на периферии роя, повернулись ко мне. Они не могли добраться до Адиры, но поняли, что я ее союзник, и бросились на меня с оружием и магией наготове. Ружья Шона зарокотали раз, другой и затрещали в ровном ритме, пока он превращал солдат в ничто.

Ястреб, ускоряясь, рванул вперед, темная мантия его магии струилась вокруг него.

Я воткнула свою метлу в землю, та раскололась, светясь бледно-голубым светом, создавая канал к «Гертруде Хант», сливая нас в одно целое.

Адира зарубила последнего солдата прямо между собой и Ястребом и бросилась бежать.

Два дрифена столкнулись.

БУМ!

Ударная волна магии прокатилась по территории гостиницы. Солдаты, как тряпичные куклы разлетелись в разные стороны.

Магия опалила меня. Я почувствовала во рту привкус крови.

Мой заслон выстоял.

Адира скользнула по лужайке, отброшенная назад напором меча воина «Оникса». Каким-то чудом она отклонилась в сторону, развернулась с невероятной грацией и ударила Ястреба. Он парировал.

БУМ. Еще один взрыв магии. Жар и давление обрушились на меня. Я стиснула зубы и удержалась.

Корни скользнули под землю, вынырнули и обвилились вокруг моих ног. Ветви вырвались из стены, протянулись ко мне и обвилились вокруг моих плеч. Я сидела, уютно устроившись в кресле «Гертруды Хант», и через гостиницу чувствовала Шона на другом конце.

Мы соединились.

Лужайка превратилась в бойню. Шон обрушивал смерть на поле боя, его оружие пробивалось сквозь толпу солдат, пытаясь уменьшить воздействие их магии на вакуум. Адира и воин столкнулись, как два бога, не заботясь о том, что они уничтожают. И я сдерживала все это, держа этот ад на Земле в своих руках.

Ястреб замедлил шаг. Он истекал кровью в двух местах, где ее меч задел его, но Адир не выказывала никаких признаков усталости. Она рубила его, неумолимая, каждый удар усиливался ее магией.

Поток солдат закончился. Я почти ничего не заметила. Мои глаза кровоточили, и мне казалось, что я оглохла, но каким-то образом я все еще могла слышать.

Адира пнула ногой Ястреба. Он был на долю секунды слишком медлителен, чтобы увернуться. Ее нога коснулась его груди. Он попятился назад, задыхаясь. Она погналась за ним, протянула руку и схватила воина за горло. Его магия укусила ее, но ей было все равно. Она рывком подняла его и аккуратно насадила на свой меч.

Ястреб закричал. Загудела магия — звук умирающего бога. Адир резким рывком высвободила меч и пнула истекающего кровью воина в грудь. Он перелетел через лужайку обратно в портал. Она взмахнула рукой, и пропасть между двумя мирами захлопнулась.

Я позволила вакууму утек вниз. Все болело, но внезапная потеря давления казалась раем.

Стояла такая тишина.

Вокруг нас тела начали погружаться в землю, так гостиница прибирала мертвых.

Сидевший рядом со мной Рудольф Питерсон уставился на Адир, и на его лице застыло выражение недоверия.

Она подошла к нам, держа на плече свой меч, который уже не горел огнем.

— Сегодня Гора спокойно выстояла, — сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Те, кто жаждет того, что принадлежит нам, примите это к сведению. Подумайте хорошенько, прежде чем вторгнуться в чужие владения, ибо Гора не пощадит вас.

Она повернулась к Рудольфу. Он смотрел на нее так, словно она была Мрачным жнецом.

— Теперь ты понимаешь, дядя? Лорд Зеленой горы не поделился со мной своей силой. Эта сила — моя собственная. Вот кем вы с мамой должны были стать.

Он открыл рот, но ничего не сказал.

Адира повернулась ко мне.

— Хорошая работа, хранительница. Зеленая Гора у вас в долгу. Я спрашивала вас о милосердии. Я помню ваш ответ. Мой дядя — мой единственный кровный родственник. Он — все, что связывает меня с этим миром. Прежде чем покинуть Гору, я дала обет предкам моего дрихта. Я пообещала, что либо прощу его и уйду с чистой душой, либо убью так, как он того заслуживает, и сделаю это жестоко и безжалостно, чтобы его смерть стала вечным примером для наших врагов.

Рудольф ошеломленно уставился.

— Этот человек перед вами видел, что вы можете сделать, — продолжала Адир. — Если я пощажу его, он никогда не оставит вас в покое. Он будет преследовать вас всеми доступными ему средствами, потому что жаждет власти, которой обладаем мы с вами. Он очень богатый человек. Кто-нибудь обязательно придет его искать. Если я убью его так, как поклялась, вы не сможете объяснить его смерть. Если я возьму его с собой и убью на Горе, вы не сможете объяснить его исчезновение. Я и так уже слишком многого от вас требую. Сегодня я нарушу свою клятву. Это тяжесть, которую мне придется нести. Вы хороший человек, и я проявлю к вам милосердие. Пожалуйста, примите мою жертву.

Меч в руке Адир стал прозрачным, словно призрак самого себя. Грациозно и изящно она размахнулась и вонзила его в грудь дяди. Рудольф Питерсон замер, его рот широко раскрылся. Адир высвободила свой клинок, и он мягко упал на траву.

— Я остановила его сердце, — сказала она мне. — Он умер естественной смертью и

оставил после себя нетронутый труп.

— Гораздо больше, чем он заслужил, — сказала белая женщина с крыльца. Я совсем забыла, что здесь были стражники Адиры.

Зедас поклонился и нараспев произнес.

— Благодарю вас, сеньора Зеленой Горы, за этот урок сострадания.

Четверо других слуг поклонились.

Адира взмахнула пальцами, превращая меч в ничто, взяла кувшин с холодным чаем и осушила его.

Эпилог

После битвы за мной пришел Шон. Мне было трудно идти, и он поддерживал меня, пока мы не вошли в дом, а потом понес наверх. Он помог мне раздеться и опустил в ванну с горячей мыльной водой. Я попросила его убедиться, что все вернулись в свои комнаты, и проследить за уборкой. Он ворчал, что не хочет оставлять меня одну, но, в конце концов, ушел.

Я смыла кровь с лица и сидела в мыльных пузырях, пока голова не перестала гудеть, а зубы не перестали стучать. В какой-то момент я вылезла из ванны, попыталась вытереться и заснула на кровати, завернувшись в мокрое полотенце. Последнее, что я помнила — это как тело Рудольфа Питерсона поместили в стазис, чтобы предотвратить разложение. Сегодня вечером, после того как все отпразднуют, я позвоню в 911 и устройю шоу.

Я проснулась через час. Шон лежал на кровати рядом со мной, положив голову на согнутую руку.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

— Какие новости?

Он сверкнул волчьими глазами, смотря на меня.

— Ассамблея прислала сообщение через Тони. По-видимому, они посмотрели шоу и решили, что им больше не нужно нас видеть. В целом, похоже, наша работа показалась им «удовлетворительной».

Я закатила глаза.

— Удовлетворительной, мать вашу.

Шон ухмыльнулся мне.

— Это моя реплика.

— Я бы хотела посмотреть, как кто-нибудь из них сдерживает сражающихся двух сеньоров дрифенов. — Я повернулась и прижалась к нему.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Тяжко. И у меня болит голова. Это была такая огромная сила. Я тебя напугала?

— Немного. Гостиница не испугалась, так что я знал, что ты не слишком пострадала. Ты была потрясающей.

— Мы были потрясающими. Теперь это мы. — Я взглянула на него. — Ты же знаешь, что

не так уж легко отказаться от должности хранителя. Ты все еще можешь уйти и стать оборотнем на большой дороге.

— Ха! Не дождешься. — Он поцеловал меня.

Тревожные тучи, нависшие надо мной с тех пор, как Ассамблея объявила о своем призыве, рассеялись. Они могли послать любой вызов, какой только захотят. Но мне было все равно. Это была моя гостиница, и Шон любил меня.

Полчаса спустя мы спустились на банкет в честь Дня Постояльца, и я надела серебряную мантию с розовой отделкой. У меня была серебряная мантия и для Шона, но вся магия мира не могла заставить его надеть ее. Он был одет в джинсы и черный свитер и угрожал сменить их на пижаму, если я подниму бучу. Насколько я знала, у него не было пижамы, и я сделала себе заметку купить ему ее.

Павловния зацвела. Это было буйство красок, лавандовых, белых и розовых, с каждой ветки свисали огромные цветы, как будто «Гертруда Хант» излила свою магию в дерево, чтобы отпраздновать это событие. В большом бальном зале были накрыты столы, до краев заставленные едой. Орро так много наготовил, что я боялась, как бы мебель не сломалась под тяжестью всех этих блюд.

Большой бальный зал гудел от множества голосов. Дрифены заняли дальний столик, где они сидели расслабленно, обмениваясь шутками. Опасность явно миновала. Медамот присоединился к Калдению за нашим столом, а ку-ко заняли два оставшихся длинных стола, приспособленных к их размерам. У Короса явно были проблемы с мельтешением, и я услышала, как Калденция предложила ему транквилизатор, хотя я не была уверена, было ли это для успокоения нервов или наркотик для ку-ко. Я отчетливо представляла себе, как Ее Милость шепчет ему на ухо: «Их так много. Конечно же, никто не заметит, что один пропал. Или даже два.» Я на всякий случай продолжала пересчитывать ку-ко.

Философы представили мне мнение из пяти тысяч слов по заданному мною вопросу, суть которого сводилась к следующему: «Неважно, кто был первым основателем, важна сама дискуссия, ибо через нее откроется истина». Я решила принять это, потому что спор с ними только даст им повод еще немного поспорить, и тогда никто не сможет пообедать.

Зазвенела магия. А, наконец-то. Я открыла дверь в Баха-чар и проследила за гостем, пока он шел по коридору. Я наклонилась к Шону.

— Не мог бы ты присмотреть за ними минутку?

Он кивнул, и сурово посмотрел на Калдению и Короса. Ее Милость помахала ему пальцами. Корос приложил руку к груди, притворяясь потрясенным.

Я вышла в коридор. Из мягкого сумрака появилась крупная фигура — квиллонец, такой старый, что его иглы стали совершенно белыми.

Я поклонилась.

— Спасибо, что приняли мое приглашение, Великий шеф-повар.

— После того кекса, как я мог не сделать этого? Он ждет меня?

— Он не в курсе.

— Как вы меня нашли? Обучение поваров до уровня «Красного тесака» — это тщательно охраняемый секрет.

— Когда я пригласила Орро в гостиницу, то провела полную проверку его прошлого. В тот день, когда он послал суп, который разрушил его карьеру, вы вошли в период траура. Вы были в уединении в течение шести месяцев. Только разрушительное событие заставило бы вас так долго воздерживаться от своего искусства.

Шеф-повар Адри кивнул.

— Он мой самый блестящий ученик.

Я повела пожилого квиллонца в холл. В центре банкетного зала Орро держал блюдо с булочками, ища место на дальнем столе. Он обернулся и увидел нас. Его руки задрожали.

Шеф-повар Адри улыбнулся.

Орро быстро поставил блюдо на стол и упал на колени. Шеф-повар Адри бросился к нему и поднял.

— Не надо этого.

— Мастер...

— Сегодня здесь есть два мастера. Я пришел учиться у тебя, мой бывший ученик. Поделись со мной тем, что обнаружил. Мне не терпится попробовать твою еду.

Еще несколько минут ушло на то, чтобы усадить шефа Адри, главным образом потому, что Орро не смог найти достаточно достойного стула. Наконец все заняли свои места. Я встала и оглядела банкетный зал, гостей, которые должны были уйти, друзей, которые должны были остаться, и была благодарна за то, что оказалась именно там, где была.

Мягко вспыхнули фонари. С потолка посыпался дождь из бледных лепестков. Тихая музыка наполнила комнату.

Я улыбнулась и сказала, мой голос разнесся по всей гостинице:

— Добро пожаловать на празднование Дня Постояльца!

Конец.

Заметки

[

←1

]

Битва за Аламо (англ. Battle of the Alamo, исп. Batalla de El Álamo, 23 февраля — 6 марта 1836) — самая известная битва Техасской революции.